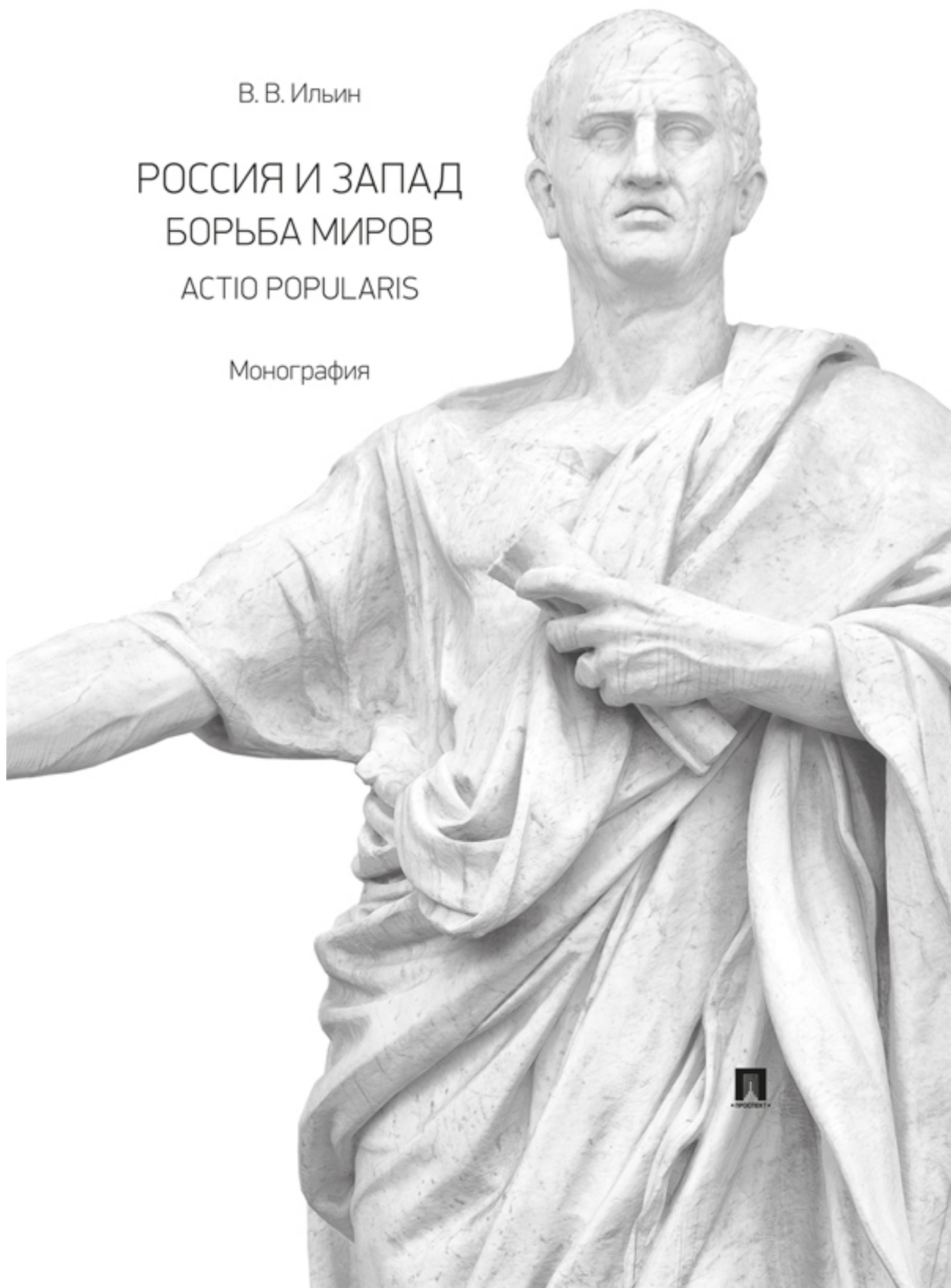

В. В. Ильин

РОССИЯ И ЗАПАД
БОРЬБА МИРОВ
ACTIO POPULARIS

Монография

В. В. Ильин

**Россия и Запад. Борьба
миров. Actio popularis**

«Проспект»

Ильин В. В.

Россия и Запад. Борьба миров. *Actio popularis* / В. В. Ильин —
«Прспект»,

ISBN 978-5-39-244901-9

Объективная логика выживания человечества в дефицитном, ресурсно оскудевающем коллизионном мире требует перестройки политической философии в направлении отказа от избранности отдельных народов, их ассоциаций с переходом на толерантную платформу аксиологически выдержанного родового выживания. Для научных работников, государственных служащих, патриотически настроенной размышляющей публики, всех интересующихся осмыслением, цивилизационистикой, глобалистикой.

ISBN 978-5-39-244901-9

© Ильин В. В.

© Прспект

Содержание

От автора	6
Часть I	12
1.1. Русофильство	12
1.2. Российский цивилизационный строй	16
1.3. С Востока – свет, с Запада – закон	21
1.4. Социальное зодчество в России	28
1.5. Власть – народ – интеллигенция в национальной истории (к 100-летию годовщины «философского парохода»: уроки прошлого)	38
Конец ознакомительного фрагмента.	52

В.В. Ильин
Россия и Запад
Борьба миров. Actio popularis
Освободителям Украины

© Ильин В. В., 2025

© ООО «Прспект», 2025

От автора

Тысячи видов беды – будет тысяча видов спасенья, – ободрял Овидий. Однако же угрожающие симптомы цивилизационного недуга лишают оптимизма столь радужные надежды. Тяжелейшие испытания, какие принесла человечеству первая четверть XXI в. его подлунного существования, склоняют к более острожным, пруденциальным направлениям чувств и ума.

В переживаемый момент мировой истории нельзя быть в отношении себя лицемером; как назидает Евангелие от Матфея, требуется понимать знамение времени¹. А оно таково, что мир, идя путем неправедным, перестает быть богоспасаемым.

Великое неустроение обременяет бытие наше: идет брат на брата; народ на народ; многие труды обращаются в прах. Люди теряют себя, захлестываются амбициями, пренебрегая наставлениями Гелиоса Фаэтона, – налегают на стрекала, отпускают поводья, погоняют крепче ... колесница мчит не туда. Для всякого – пагуба страсти становится святой; ничто не стреножит отвязную власть, безмерную волю; кошмар отбирает созданное...

Век нынешний, не считаясь с Писанием, вовсе забыл, что мудрость предпочтительней силы². Почему так? Здесь – *punctum saliens*.

Как излагал Гораций, первое мудрости дело – глупость отбросить. Глупость состоит в допущении того, что спорные вопросы общежития решаются нажимом, подавлением, захватом, уничтожением. Всегда во все времена стратегия истребления влекла самоупражнение. Последнее, к прискорбию, недопонимали ястребы великих держав, еще во второй половине прошлого века полагавшие: если в результате конфликта останутся два американца и один русский, – мы победили (Пауэр). Под копирку – линия экстремистов китайской «культурной революции»: если в итоге ядерного армагеддона выживет хоть один китаец, война выиграна. Между тем – в чем победа, где выигрыш?!

Второе мудрости дело – сторониться порока. Порок заключается в том, что Вебер называл расколдованием, разволшебствованием человеческой жизни, – переводом ее на рельсы выводящего за скобки ценностного окормления голого практицистского расчета. Такой ход ущербен гуманитарной недооценкой символической стати человека как *homo aestimator*³, живущего аксиологическим, а не логистическим предопределением, на основании чего допускается эмоциональное априори (Шелер), альтруистическое онтогенетическое обеспечение (Эфроимсон) человечности, проявляющееся в устойчивом непринятии того же убийства.

Третье мудрости дело – развенчание сдерживающих ток мысли предвзятых штампов, некритических стереотипов, нелепых предположений, дезориентирующих искания. Бэкон учил о 4 видах идиологов: рода – общие концепционные искажения реалий; пещеры – индивидуальная неадекватность фона личности; рынка – лексические контаминации; театра – плодящие адептов ложные учения.

Применительно к нашим сюжетам выскажемся прямо о недопустимых призраках, – мнимых догмах, препятствующих нестесненному развитию мирсистемной цивилизационистики.

Призраки рода. Органицистский натурализм, проводимый в методологии Спенсером, Шеффле, Вормсом и др.⁴; в макросоциологии – Контом, Лилиенфельдом, Эспинасом и др.⁵; в цивилизационистике – Данилевским, Шпенглером, Тойнби. Слабость эвристической базы органицизма-натурализма в социально-политических исследованиях обусловлена

¹ Мф. 16; 3.

² Еккл. 9; 16.

³ Подр. см.: Ильин В. В. Аксиология. М., 2020.

⁴ См.: Ильин В. В. Философия. М., 2019. С. 182.

⁵ Там же. С. 183.

– редукционизмом: народы мира самоопределяются не по органо-натуралистическим, а цивилизационным зависимостям. Если не отказываться от идеи уподобления «природный – социальный организм», для релевантных традукций продуктивней использовать более конформные образы: математические – точки, процессы ветвления, предельные соотношения (обогащающие понятием возникновения новых элементов, зависимостей); случайные процессы (с вероятностью протекания – марковские, мартингалы); конструктивных функций; контактных схем; коалиционных действий, интересов и т. д.; естественнонаучные – целесообразность, эквифинальность, целостность, саморегуляция, обратная связь и т. д.;

– финализмом: принципиальная дефектность элементарного циклического канона «рождение – расцвет – упадок – надлом – гибель». В истории народов наблюдаются спады, подъемы, но отсутствует фатальная линейаризация по априорной трагической схеме. Доподлинно: никакого фатализма, трагизма автономной динамики человечество не знает. Верно, цивилизационистика комбинирует «циклизмом» (геополитика, экономика, управление), но в семантике структурно-функциональной, а не темпорально-эсхатологической.

Призраки пещеры. Вкусовой подход к выделению «культур», «цивилизаций» по крайне расплывчатым, рассредоточенным резонам. В общечеловеческом социально-историческом целом обособливалось

– Данилевским: 13 анклавов, именуемых культурно-историческими типами (КИТ), представляющими симбиоз органической (?) материи и идеальной (самобытные начала народности) формы;

– Шпенглером: 8 культур, являющихся абсорберами духовного жизнестроя;

– Тойнби: то 21, то 13, то неопределенное число цивилизационных фрагментов, группируемых в замкнутые ассоциации по духовным особенностям (религия, искусство, обычаи, нравы).

Не расширяя ставший классическим список эскизов культурно-цивилизационной определенности человечества, равно как не воспроизводя стандартную критику по его адресу, кратким образом систематизируем контрдоводы. Озаботимся: что не устраивает специалистов в сделанном маститыми предшественниками?

1. Принципы обособления единиц человечности, позволяющие более или менее строго идентифицировать КИТы, культуры, цивилизации. В упомянутых 3 эпизодах акцентируется унитарный духовный фактор вершения истории, конечной своей реализацией влекущий полифакторность, оказываясь порождающей причиной то культур, то цивилизаций.

С позиций метатеоретических оценок мы сталкиваемся либо с эпистемологически недопустимым кризисом детерминистской организации знания (одна причина в качестве *causa activa* выступает источником разных явлений), либо с логически недопустимым умножением сущностей в бессмысленном различии «цивилизации – культуры». Поверх же лингвистических разноречий в словоупотреблении с предпочтением в немецком «культура», в английском, французском «цивилизация», – субстанциальное несовпадение одного с другим бесспорно (о чем – ниже).

2. Квантование континуальной плоти «культуры», «цивилизации», провоцируемое сомнительными базисными презумпциями «органицизма-натурализма». Надуманная дискретизация общеисторического целого на организмическо-натуралистические локалы с отводимым им схемой «рождение – старение – исчезновение» автономным коротким веком рассогласуется с фактически протекающим процессом универсализации жизнедеятельности человечества, завязанным на диалог культур; взаимообмен, рецепцию цивилизационных завоеваний, трансляцию, имплантацию прогрессивного модернизационного опыта.

3. Модель циклизма (кругооборота). Как известно, различают обстоятельственную и событийную циклику. Одна реальна; другая – исключая хроногеометрический реставрационизм (наличие «щелей» в пространственно-временном контуре; допущение причинно несвя-

занных, взаимодействующих во флуктуациях параллельно существующих миров⁶) – с точностью до современного состояния знания, – ирреальна.

Предвзятая «организменная» идеология в социально-политической философии навевает-таки образ событийных чередований – последовательной смены состояний себе подобными с отягощением «великого возвращения» (очередное проявление общественного пессимизма) – к чему? Исходному? Но эффект обновления существования, паушального жизненного прогрессизма такой вид развития процесса исключает.

Отсутствие оправдывающего постулаты теории замыкания на эмпирическую процедуру дает простор безудержной спекуляции, по которой вводимая циклика (в игнорировании глубоких моделей ритмических процессов Джевонса, Кондратьева, Дугласа, Шнитникова, Шумпетера, Чижевского и др.) лишается фазовой размерности (не считать же таковой произвольно вводимую Шпенглером Δt в 1000 лет); общецивилизационные прорывы в лице добропорядочных техницизма, урбанизма и т. д. объявляются упадком; цивилизация неожиданно расценивается «вырождением» культуры⁷.

Призраки рынка. Многие доктринальные проблемы снимались бы выверенным использованием концептуального аппарата. Исходя из конституируемой логикой относительной свободы (вне умаления лексических традиций, формальных предписаний к осуществлению интеллектуальных действий) дефинирования понятий, семантически дистанцируем содержание концептов «цивилизация» и «культура».

С позиций высказанных нами ранее соображений⁸, будем толковать «цивилизацию» как набор действенных жизнеподдерживающих технологий, более или менее общих всем народам. Подчеркиваем: с известным допуском (вынося за скобки «экзотические» жизневоспроизводственные уклады отдельных малочисленных этносов Дальнего Севера, Юга) в социально-политической философии правомерно комбинировать идеей универсальных приемов жизнеобеспечения, инспирированных достижениями научно-технического и социального прогресса.

Принятие диспозиции позволяет выделять в общеисторическом процессе:

I – по промышленным технологиям – фазисы:

– доиндустриальность: спорадическое использование оптимизирующей деятельности элементарных устройств (рычаг, ворот, блок, наклонная плоскость, полиспаг);

– индустриальность: массовое внедрение эффективных разработок – механизация, конвейеризация, частичная автоматизация;

– постиндустриальность: комплексная автоматизация, роботизация, цифровизация;

II – по социальным технологиям – фазисы:

– потестарность – политарность – абсолютизм – октроированный конституционализм – конституционализм – республиканизм – парламентаризм – демократизм. На больших временных интервалах прослеживается векторизация социальной динамики, свидетельствующая о макросоциальных трансформациях от «зависимости» (деспотизм, диктатура, авторитаризм, тоталитаризм, хунтизм) к «свободе», фиксируемая полезным понятием фундаментальных социальных констант (ФСК)⁹.

Обобщенным образом пакета авангардных прорывных технологий современного уровня выступает NBICS-комплекс нано-, био-, инфо-, когно-, социотехнологических ресурсов¹⁰,

⁶ См.: Ильин В. В. Философия. М., 2019.

⁷ См.: Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993.

⁸ См.: Ильин В. В., Ахизер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000.

⁹ См.: Ильин В. В. Философия истории. М., 2003.

¹⁰ См.: Ильин В. В. Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa miracula: тотальный мировейник. М., 2020.

рельефно оттеняющий универсальность, космополитичность, надэтничность орудийной базы пролонгации жизни, вершения истории.

В отличие от «цивилизации» как «технологии» «культура» есть деликатный механизм порождения человеческих (локальный момент) и общечеловеческих (тотальный момент) ценностей со своими фазисами:

- генерация: создание благ;
- трансляция: передача благ;
- ассимиляция: усвоение благ;
- мультипликация: преумножение благ¹¹.

Акцентируем: «культура» аттестует порождение исключительно человеческих ценностей – благ, способствующих культивации, рекультивации человечности, что дает основание противопоставлять культуру – экстракту человеческого в человеке – контркультуре, псевдокультуре, антикультуре – повреждениям человечности.

Локальный момент культуры, завязанный на язык (гипотеза лингвистической относительности), этническую, национальную историю, традицию, специфицирует миропонимание, мироотношение, детерминирует патриотичность, ареальность. Тотальный момент культуры, завязанный на гуманитарную статью сапиента, типизирует миропонимание, мироотношение, обуславливает всемирность.

Сказанного достаточно для содержательной дистинкции: цивилизация характеризует воспроизводительный остов поддержания жизнедеятельности человека-человечества; культура – ресурс складывания гуманитарности. Одно мостит путь овладения веществом, энергией для налаживания *vita vitalis*; другое – путь огранки человечности для приращения *vita humanus*.

В генеалогии цивилизации – эффективные, оптимальные, достижительные акты переработки внешней природы; в генеалогии культуры – культ – символические акты по переработке внутренней природы.

Концептуальный просчет мирсистемных моделей в языке Данилевского – Шпенглера – Тойнби – досадная контаминация «цивилизации» и «культуры», неуклюжее уподобление «орудийных техник» «культурным кругам». Последнее отличает и невзыскательную линию Хантингтона, маркерующего точки цивилизационных разломов распрями конфессионального толка. Характернейшая *ergo in re*.

Время религиозных (масштабных) войн практически завершилось. Человечество диспергировано на субойкумены по отношениям

- конфессиональным: мировые, национальные религии, местные культы, язычество;
- культурным: Запад; Россия; АТР; Ближний, Дальний Восток; Африка; Латинская Америка;
- цивилизационным: I, II, III (Дальний Юго-Восток) миры.

Но не это составляет почву конфликтности. Доподлинный индуктор ее – непомерная геополитическая гордыня, всеохватные претензии на вершение судеб мира, *jus imperii*.

Призраки театра. Одиозный и безосновный жупел западного менталитета, согласно которому все зло – из России; от пресловутого «рука Москвы» до анекдотичного «Россия – ужасная страна: там до сих пор женщины с мужчинами спят». (В последнее время, правда, перепадает американцам: почему в США нет госпереворотов? Потому что в Вашингтоне нет американского посольства.) Развенчание соленых интриг-происков – исторические свидетельства. Из безбрежного достопамятного национального опыта коллизионного взаимодействия России со своим исконным геостратегическим оппонентом – Западом (римская панидея, атлантизм¹²) выберем нужное и почерпнем некую мораль.

¹¹ Подр. см.: Ильин В. В. Аксиология. М., 2020.

¹² Подр. см.: Ильин В. В. Метафилософия. Поэтика философии. М., 2021; Ильин В. В. Российская империя. Отжившее

1. Ведя (всегда освободительные!) войны, Россия боролась с захватчиками, но никогда – с народами. Выпуклый пример – Россия традиционно не препятствовала сохранению государственности Германии, Франции, Швеции, Японии, хотя могла бы радикальнейшим образом решить их будущее (недавний подтверждающий факт – воссоединение Германии, неодолимое ни Великобританией, ни США).

2. В отличие от Запада (эпопея с открытием второго фронта в период II Мировой войны; нынешнее расширение НАТО) Россия всегда выполняла взятые на себя обязательства (по решению Крымской конференции вступила в войну с Японией), ответственно реагировала на чувствительные обращения, просьбы (часто трудно выполнимые – переносы дат наступлений во время I, II Мировых войн). В противовес сказанному исключительно Запад руководствуется *idée fixe* уничтожить и Россию, и русских (интервенция 1918–1920 гг.; текущий конфликт на Украине), в чем законно усматривается невуалируемый и неприемлемый атлантистский шовинизм.

Долга была и обида, и долги козни, – восклицает Вергилий. Между тем поверх подозрений, претензий, избавляясь от наносного, надо что-то решать. Мы подошли к распутью, где скрещиваются и расходятся дороги. По какой, как, куда идти? Вместе или врозь? Одно – притязательное соперничество, другое – ободряющее сотрудничество.

Учитывая, что, как уверял Пубрий Сир, алчный не насытится никакой наживой, предпочтительней кооперативная форма длительных, устойчивых, гарантийных взаимосвязей, нацеленная на совместное решение общих злободневных проблем, какие ставит перед человечеством глобальное развитие.

Мир наш (не по Кампанелле) перестает быть живым подобием Бога: и солнце (не по Петронию) всем не светит, и оружие (не по Цицерону) не уступает место тоге; антропные проблемы (не по Еврипиду) не решаются *deus ex machina*.

- В чем надежда? В силе, мощи выкованной веками человеческой
- дальновидности, ничего не ставящей выше мира (в любой герменевтике);
 - доброй воли, для которой нет ничего невозможного;
 - пытливого ума, своими усилиями все побеждающего;
 - пламенного сердца, благодаря которому цветы расцветают;
 - твердой решимости, укрощающей Дискордию (Эриду) – богиню раздора.

Настает *discrimen rerum*, когда решить – значит сделать. Не выгодное – благодатное.

В духе последнего – искомое исцеление теоретической и практической политической философии, стремящейся к прочности власти *Вопит сомтупе*, на что уповали

- Будда: восьмеричный путь освоения благородных истин;
- Августин: амитологическая платформа мироустройства без хищных национально-государственных «разбойничьих шаек»;
- Конт: «позитивная» миродейственная «религия» (неожиданная антипозитивистская линия правоверного позитивизма), —

развертывавшие светлую многообещающую, всенаправляющую утопию ранга увещательной притчи: в необходимом единство, в не необходимом – свобода, во всем – любовь.

Станет ли человечество лучше? Когда именно?

Проблема упирается в уяснение глубинного предмета: может ли личность (часть) жить интересами рода (целого)? И не по принуждению (ригоризм); мимикрии, симуляции, имитации (корпоративизм), – а свободному ответственному действию (аксиологизм). Откуда – доктринальные и утилитарные задачи: постичь и воплотить.

Разобраться в сказанном позволяет сравнительная оценка потенциалов двух конкурирующих культурных Вселенных, цивилизационных суперсистем – России и Запада, заявляющих свою правду, извечно решающих, какая судьба правит миром, что несет ему спасенье.

Часть I

Mundus rusicus

1.1. Русофильство

Программа «особнянской» (В. Соловьев) стати Руси сложилась как социософская реакция на европоцентричный финализм и норманизм. Естественный протест вызывала декларация романо-германского авторства истории: развитие цивилизации ограничивается европейской фазой. Неуважению славянского достоинства противопоставлена идея миссионизма и мессианизма, – имеет место славянский фазис всемирно-исторического процесса, связанный с особой ролью России в мире как оплота праведности и благодати (платформы «Москва – Третий Рим»; «святая Русь – ковчег спасенья»; «Русская правда – высшая форма духовности, религиозно-исторического синтеза», единящая Запад и Восток, Европу и Азию).

Подспудье глубокого и мощного потока развертывания патриотичной мысли составили комплексы

– обязанность Руси сохранить, поддержать православие после падения Константинополя (Москва – хранитель и охранитель святой веры);

– предание, будто апостол Андрей Первозванный в бытность на Руси посетил место, где стал Киев (христианство освятило государственность);

– легенда о белом клобуке, бывшем в Риме, Константинополе, Москве (аутентичность русского христианства);

– сказание об иконе Тихвинской Божьей Матери, которая из Константинополя попала на Русь и призвала ее на подвиг.

Откуда вытекает миссианское назначение Московского царства быть средоточием правых заветов старины¹³.

Задача упрочить святоотеческие традиции фактом своего существования в мире развивающим образом подействовала на трактовку национального состояния: богоносность России спасет вырождающееся человечество. Величавые очертания экстравагантной конструкции одинаково сильно влияли на деятелей разных интеллектуальных ориентаций, однозначно поддерживающих идеологически «сфабрикованную народность» (Чаадаев).

Вникнем в суждения

– Н. Гоголь: «Европа придет к нам... за покупкой мудрости»¹⁴;

– Ф. Достоевский: русский народ «один способен и призван всех воскресить своей истиной»;

– М. Погодин: «не в наших ли руках политическая судьба Европы и, следовательно, мира, если только мы захотим решить ее?»¹⁵;

– Н. Бердяев: «...славянская раса во главе с Россией призывается к определяющей роли в жизни человечества»¹⁶;

– С. Булгаков: Россия «призвана духовно вести за собой европейские народы».

Итак, славянофильство кристаллизовалось как рефлексивный ответ на обидную культурологическую предвзятость уверовавших в справедливость ортоидной схемы исторического

¹³ См.: Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 2000. С. 258.

¹⁴ История России в XIX в. Вып. 6. М., 1907. С. 452.

¹⁵ Погодин М. П. Соч. Т. 4. М., б.г. С. 7.

¹⁶ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 10.

развития под эгидой европеизма. Помимо патриотичности славянофильство зиждется на заявлении автономичности. Продуктивность первой очевидна, продуктивность второй сомнительна. Суть в том, что противопоставление России Европе в качестве державной сверхцели выстраивается на одинаково неудачном утрировании культурно-цивилизационных признаков. Примем во внимание

1. Христианство Руси достается от Византии, Европе от Рима.
2. Письменная культура пришла на Русь от греков, в Европу от римлян.
3. Точкой роста гражданственности на Руси оказывается община, в Европе лицо.
4. Державное тело Европы в ходе колонизации оформлялось через завоевание, на Руси через союзничество.

Однако на интенции уважительного отношения к национальным корням проводится интенция цивилизационной отъединенности отечества. Самостийным составом последней выступают

– цезарепапизм – секулярная автократическая религия, предполагающая обожествление царской власти: «название государя земной бог, хотя и не вошло в титул», но «допускается как толкование власти царской»¹⁷; «одна вечная неизменная стихия – царь», «одно начало всей народной жизни – святая любовь к царю» (Надеждин). («Самодержец» – перевод византийского императорского титула *autocrator* – самостоятельный государь, не подчиненный никакой внешней власти. В точном смысле слова самодержавная организация правления как полный формальный и формульный властный абсолютизм сложилась с Петра I. В Ст. 20 принятого им Артикула Воинского утверждается: «... Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять». Доктринальное обоснование необходимости абсолютизма в России провел Феофан Прокопович);

– несвобода – гражданский сервиллизм: «русский народ специально не создан для свободы»¹⁸; безынициативность – на эту черту гласных (выборных) от крестьян в собраниях указывал Кошелев;

– неполитическая общность – мир как «хоровое начало», коллективизм как олицетворение общинной совести, социальная организация, держащаяся на нравственных узах. Со штампом патриархально-патримониального строя России «без Конституции» активно полемизировал Кавелин, усматривавший специфику национальной истории в том, что она есть именно государственная история (история не народа, но государства!)¹⁹ (ср.: Тютчев: в России защищается «великий принцип власти»; власть у нас – онтологическая субстанция, а не ролевая гражданская функция). В отличие от стагнирующего Востока мы развиваемся, но локомотивом движения (в отличие от Европы) у нас выступает правительство (не община, как предвзято полагали славянофилы);

– искательная духовность с соборной внутренней правдой, силой морального мнения. Как декларировал К. С. Аксаков, «неограниченная власть – царю, полная свобода духа и жизни – народу, свобода действия и закона – царю, свобода мнения и слова – народу»²⁰. Разнесение власти и свободы по разным социальным нишам, однако, казалось неправомерным уже во времена славянофилов. На эмпирический факт перерождения власти они сами же и указывали. «Откуда происходит внутренний разврат, взяточничество, грабительство и ложь, переполняющие Россию? <...> Все зло от угнетательной системы нашего правительства, оттого, что правительство вмешалось в нравственную жизнь народа и перешло, таким образом в душевредный

¹⁷ Теория государства у славянофилов. СПб., 1898. С. 40.

¹⁸ Леоптьев К. Письма к Фуделю // Русское обозрение. 1885. № 1. С. 36.

¹⁹ См.: Кавелин К. Д. Соч. М., 1859. Ч. 2. С. 455.

²⁰ Аксаков К. С. Сочинения исторические. Т. 2. М., 1889. С. 284.

деспотизм»²¹; «...Русская земля стала как бы завоеванной, а государство – завоевателем. Русский монарх получил значение деспота, а свободно-подданный народ – значение раба-невольника»²².

Подчеркнем неадекватность славянофильского перехода на параллельный цивилизационный фарватер. Одно дело – культурная самобытность, иное – цивилизационная. Повторим исходную мысль: апология национально-исторической культуры оправдана. И в этом добропорядочном деле со славянофилами солидаризировались западники. У того же Белинского находим: «один из величайших умственных успехов нашего времени в том состоит, что мы, наконец, поняли, что у России была своя история, несколько не похожая на историю ни одного европейского государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить на основании ее же самой, а не на основании ничего не имеющих с ней общего европейских народов»²³.

Между тем за пределами национально-культурного подхода понятие самобытности никакого распространения получить не способно. Технологии воспроизводства жизни, вершения истории, пролонгации существования по большей части стандартны, инвариантны, типологичны, что и передается представлением их цивилизационной идентичности. Есть общечеловеческие универсальные знания и не может быть этнического «живого знания», о чем учили славянофилы. Есть гражданское состояние народа с соответственными гарантиями, и не может быть этнической крестьянской общины, где «рабство есть свобода», о чем также они учили. (Вообще же круговая порука – гражданский анахронизм – рычаг обеспечения повинностей при общинном владении землей, т. е. элемент группового рабства).

Механизм цивилизации космополитичен, надэтничен, выказывает плодотворность результативностью. Верно, Россия представляет собой «целый мир». Но для чего добавлять к нему погодинское «самодовольный», «абсолютный». В цивилизационном плане подобные эпитеты бессмысленны. Независимость – да, самодостаточность – да, суверенность – да. Но не того более. Какое цивилизационное значение имеет насаждение стереотипов нации-семьи (славянофилы), общины – зародыша будущих социальных укладов (западники). Дремучая романтическая утопия...

Объединяться надо не в направлении культурной мифологизации, а в направлении цивилизационной демифологизации с критикой царизма, крепостничества, бюрократизма, полицейства, достижением гражданских свобод, расширением вовлечения, участия.

Магистраль человечества намечаются здоровой прагматикой, а не отрешенными искажениями. Скажем: внутренняя свобода дается демократией, чем инициируется историческая миссия народов. На этом фоне странно тщиться занять передовые позиции в мире философской проповедью народного платьепоклонства. Вспомним Герцена (письмо Александру II): «На своей больничной койке Европа ... указывает как на единый путь спасения именно на те элементы, которые сильно и глубоко лежат в нашем народном характере...»

Кстати, о последнем. Достоевский видел спасение страны в одворянивании мужика – вознесении его до дворянской осложненности. Толстой ратовал за прямо противоположный процесс – омужичивание высшего класса, опрощение. Леонтьев и вовсе разочаровался в народе, представлявшемся ему неграмотным, забитым, пьяным²⁴.

Что в итоге? Недоумение – какой мерой мерить справедливость утверждений «в народе разум», «крестьянская община судьбоносна». Культурный пафос славянофильства ясен. Не ясен макросоциологический, цивилизационный его смысл. Идея богоизбранности России трансформирует культурологический христианский комплекс в политический «зоологический

²¹ Теория государства у славянофилов. СПб., 1898. С. 49.

²² Ранние славянофилы. Сб. статей. М., 1910. С. 86.

²³ Белинский В. Г. Собр. соч. в трех томах. Т. 3. М., 1948. С. 644.

²⁴ См.: Леонтьев К. Собр. соч. Т. 7. С. 424.

патриотизм», «делающий из нации предмет идолослужения»²⁵ и инспирирующий авантюры типа

– войны за оттоманское наследство;

– отрицания за Западом всяких прав быть христианским миром²⁶.

Богоносец народ-агрессор ... Не лучше ли расстаться со «сфабрикованной народностью» и озаботиться «присоединением к человечеству» (Чаадаев). На каких условиях?

²⁵ Соловьев В. С. Соч. в 2-х т. Т. 1. С. 630–631.

²⁶ См.: Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 9.

1.2. Российский цивилизационный строй

Нельзя не признать: на оформление российской цивилизации оказал влияние блок вполне объективных причин.

1. Геоклиматический фактор. Россия – страна, отправляющая хозяйственные процессы в неблагоприятных природных условиях. Во-первых, сельскохозяйственный сезон в России – 4–6, тогда как в иных странах 8–10 месяцев. Во-вторых, по справедливой мысли П. Н. Першина, в России необычайно сильна амплитуда колебаний параметров естественной среды, вызывающая удручающее обстоятельство: вкладываемый труд не дает ожидаемого результата²⁷.

Анализируя статистические данные об урожаях по 500 уездам Европейской России (с 1891 по 1915 г.), автор выводит: уровень колебаний чисел максимума и минимума урожайности с единицы пашни за этот период составляет 2,014. По отдельным губерниям разброс более велик: в Самарской – 7,303; в Воронежской – 7,053; в Казанской – 5,667; в Симбирской – 6,246; в Пензенской – 4,503; в Херсонской – 3,47. Колеблемость урожайности, утверждает Г. А. Гольц, – «нельзя оторвать от ее абсолютного уровня, ибо при высоком уровне урожайности колеблемость ее уже не так страшна для пропитания, увеличивается товарная функция. В этом отношении в близких природных условиях находится Канада и колеблемость урожайности в ней такая же, как и в России, но абсолютный уровень урожайности больше там в 1,6 раза при значительно меньшем населении. В других странах абсолютная урожайность также больше, чем в России: Франция – в 1,5; США – в 2; Германия – в 3,9; Великобритания – в 4 раза. Уровень колеблемости урожайности в этих странах достаточно близок и находится в диапазоне 1,36–1,44»²⁸. Высокая негарантированность хозяйствования исторически осложнялась: а) 30-летней периодичностью выгорания деревянных построек по стране; б) систематическим голоданием населения в европейской части. Если за критическую точку принять суточную норму в 500 г пищевых веществ на душу населения, то меньше нормы получало в 1891 г. – 25,7 %; в 1898 г. – 9,7; в 1901 г. – 6,6; в 1906 г. – 17,3; в 1911 г. – 14,9; в 1915 г. – 8,3 %. Иначе говоря, за эти 25 лет в среднем голодало 5 % населения.

2. Геополитический фактор. Социально-политическое пространство векторизовано. Колонизация идет на Восток, варвары идут на Запад. Поскольку вопросы мировой истории в недавнем прошлом решались на европейском театре действий, Россия оказывалась средостением перемещения политического вещества. Необходимость вести борьбу на два фронта обусловливала форсмажорность, милитаризованность, усугубляющих и без того сложную ситуацию затратного, экстенсивного производства.

3. Географический фактор. Россия – континентальная держава в массе своей с неосвоенной территорией, суровым климатом, имеет ограниченный доступ к благоприятным океаническим зонам с их дешевыми транспортными артериями. Оттого единица производимого и перевозимого продукта в стране всегда дороже, чем в иных частях света. Для сравнения: в России на душу населения в среднем 15 м², в США – 49 м² жилой площади. Однако, приняв в расчет качество материалов, степень капиталности, получим, что средств для обеспечения даже такого метража у нас требуется больше.

4. Державный фактор. Жесткая централизация, редистрибуция (для обеспечения странных нужд) получаемого на форсаже дефицитного прибавочного продукта, логика отправления экстенсивного роста (при проводимой колонизации), государственного дела имплицировали стратегию выживания: авторитаризм, абсолютизм, этакратизм вверху и общинность, коллективизм внизу. Подобное сочетание обостряло внутреннюю конфликтность, раскольность соци-

²⁷ Першин П. Н. Аграрная революция в России. М., 1961. Кн. 1.

²⁸ Российский цивилизационный космос. С. 135–136.

ального целого. Как далеко должна идти рефлексия данного прецедента – проблема, вызывающая массу споров в россиеведении. В качестве нужного нам подчеркнем лишь крайнюю неблагоприятность взаимодействия верхов и низов на такой почве. Всякая инициатива сверху воспринималась низами как очередная антинародная кампания. Только один пример. Реформа П. Столыпина вызвала отчаянное сопротивление крестьян, лелеявших мечту «черного передела» (не выделение «крепких» хозяев на хутора и отруба, а передел земли по количеству ртов). В соответствии с этим коммунистическим принципом в 1907 г. развернута настоящая гражданская война. За 1907–1909 гг. сожжено 71 % помещичьих усадеб и 29 % хозяйств кулаков. В период с 1910 по 1913 г. сожжено 32 % помещичьих усадеб и 67 % кулацких хуторов. Вопрос, почему крестьяне всячески закрепляли экстенсивный путь развития в России, пока безответен (ср. ситуацию с борьбой с фермерскими хозяйствами в постперестроечные дни).

В качестве аналитического резюме из сказанного примем: стержень российского цивилизационного космоса составляли нестабильность, патернализм, коллективизм, автократизм, вотчинность, усеченность правовой ответственности, персональной инициативы, деспотизм, волюнтаризм, централизм. Кристаллизовался социальный оксюморон: «антиобщественное государство – антигосударственное общество» (Струве). Российское дореволюционное общество, отмечает Вернадский, «не понимало и не ценило великого блага – большого государства»²⁹. Общество становилось государственным исключительно во времена смуты.

Всякая цивилизация – социальный порядок – складывается, поддерживается в истории программами воспроизводства. Вычленение существа программ позволяет дифференцировать природу цивилизаций. В традиционной цивилизации превалирует охранительная доминанта, сфокусированная на сакральном (власть, бог), преодоление традиционности связывается с гуманитарным поворотом в культуре, позволяющим человеку принять на себя безусловное. В последнем, кстати, – непреходящее от явления в мир Христа – бога, ставшего плотником, взявшегося за обустройство, устроение. Аналогично Петр – тронодержатель, помазанник божий, подобно первосвященнику, взявши пилу и топор, произвел переворот: плотническое воплощение повлекло обмирщение власти, ускорило синтез земного и небесного, а с ним – выход из традиции. Петровский «Регламент», подмечает Флоровский, содержал программу отечественной реформации на праве личного участия, действия, в коих – ревизия традиционной ориентации на охранительство, квиетизм (ср. с выработкой идейных оснований модернизации в мусульманских странах. В той же Малайзии перед широкой социальной трансформацией проведена санация духовности, согласно которой не Аллах, а путь к Аллаху задает экзистенциальный канон. Аналогично ранее реформировавший Турцию Ататюрк в ликвидации султаната сделал ставку не на «правоверного», а на «гражданина»). Все средства «слабы против страсти «пытать и толковать от себя», со дня на день неуловимо распространявшейся»³⁰, – указывает Самарин. Личностное самоутверждение на базе индивидуального, человеческого как метафизический устой, неканоническая нравственность, свобода выбора означает десакрализацию социальной жизни, создает предпосылки выхода из традиции. Так культура побуждает к развитию цивилизацию.

Разруха от мозгов. Как человек думает, так и живет. Как живет, так и производит. Выше утверждалось, что опыт ценностного оправдания глубины, самодостаточности человеческого, личностного, эмансипируя его от сакрального, абсолютного, породил инновацию. Рычаг инновационности – модернизационность, воплощаемая в череде стадий наращивания индустриальности (материальное воспроизводство), светской гражданственности (социальное воспроизводство), экзистенциальной реализуемости (персональное воспроизводство) в совокупном жизневоспроизводстве, до недавних пор выступала индикатором цивилизационного

²⁹ Век XX и мир. 1989. № 6. С. 43.

³⁰ Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. М., 1996. С. 61.

прогресса. Между тем выяснилось: модернизационная программа пролонгации цивилизации несостоятельна, тупикова.

Доказательства ничтожности жизни – примеры, подтверждающие ее величие. Показатели вырожденности индустриальной цивилизации – ее достижения в лице антропогенного Молоха, разрушающего среду обитания человека. Своекорыстный индустриализм и консьюмеризм рубят корень, питающий цивилизацию – биосферу, технологическое воздействие на которую превысило допустимую норму. Сказанное обостряет проблематику локальных цивилизаций, уклоняющихся от магистралей общечеловеческого движения. Применительно к пониманию цивилизационного статуса России намечаются линии.

1. Россия вышла из традиционной цивилизации, но не вошла в инновационную. Причина – отсутствие метафизического, нравственного оправдания модернизации. Чем более развита цивилизация, тем менее она привязана к территориальному (российская цивилизация располагалась на двух континентах, а что вышло?) и тем более привязана к человеческому фактору. Человеческое же начало в российском опыте редуцировано, подмято державным началом. В России в целом, действительно, условия хозяйствования скверные. Но чем лучше они в Израиле, культивирующем пустыни, солончаки? Дело не в географии, а в человеке. В Пскове и Латгалии география одна, – производители разные. Основания различия в этосе, навеваемом культурой. Российская культура безличностна, неперсоналистична. Это первое. Александр Невский, закрывая окно в Европу, повернулся к монголам. Отечественная церковь с московского княжества стала рабой государя. В неререформированном православии нет четких норм, канализирующих ток жизни. Посему церковь у нас не пасет паству, не сеет разумное, доброе, вечное. Это второе. Как итог – ущемленный, не раскрепощенный человек с притупленной производительностью. Ввиду сказанного Россия квалифицируется как несамостоятельная цивилизация, пребывающая на перепутье инновационного Запада и традиционного Востока (какого – Ближнего, Дальнего, Христианского, Мусульманского, Иудейского?) и дрейфующая в зависимости от обстоятельств (вмешательства государства) то в одну, то в другую сторону.

2. Россия не Европа. Если это так, в чем причина неудовлетворенности, ностальгии? Много ведь в мире неевропейских стран. Размышлявший над ситуацией Данилевский проблематизировал наличие разлома между Россией и Европой. Но, будучи естественником, он обсуждал предмет как географ. Суть дела заключается в том, что, включаясь в Европу географически, цивилизационно Россия не-Европа. Последнее представляет объект озабоченности, учитывая высокую цивилизационную консолидированность Европы в границах продвинутого комфортного образа жизни. Поскольку он расценивается стандартом существования, ставится задача соответственного устройства России в согласии, сопряжении с законами, уставами Запада. Это – типичный проект вестерна, обанкротившийся в нынешней реформационной эпохе России.

3. Россия не цивилизация, а становящееся образование, желанная модель мира в будущем. Европа акцентирует «цивилизацию», Россия «культуру». Европа бездуховна, формалистична, расчетлива, переживает кризис ценностной подкладки своего бытия. Россия духовна, однако увязла в отрешенных спорах. Запад имеет конкретные заслуги в технологиях налаживания жизни, смазываемых финалом – всеобщим нравственным оскудением, мещанством. Россия – не пересадочное растение, произрастающее на обочине Европы. Ей надлежит вымостить свой высокотехнологичный, но вместе с тем светлый, морально нетоксичный путь утверждения. Тело Запада, душа России, прагматизм и духовность – магистраль будущего.

Ни одна из охарактеризованных линий не выглядит адекватной.

Первая – ввиду соображений фактуальных: ни Запад, ни Восток как ареалы цивилизации однородностью, единством не отличаются. Россия же в истории выработала оригинальный цивилизационный типаж, удаляющий и приближающий ее одновременно и к Западу и к Востоку (страновая отсталость, преодолеваемая мощными модернизационными рывками:

внедрение западных индустриальных технологий посредством восточной социальной организации). Сопоставимая с Западом по индустриальности, Россия отстает от него институционально; сопоставимая с Востоком институционально, она обгоняет его индустриально.

Можно ли иначе в Евразии в масштабах 1/6 или 1/8 планетарной суши, односложно сказать невозможно.

Вторая – ввиду соображений практических: откровенная, безоглядная вестернизация для российских реалий исконно означает насилие, депопуляцию, кризис. Так было при Петре, большевиках, несостоявшихся либерал-демократах. Входить (во имя чего?) в Европу такой ценой у нас нет ни средств, ни сил, ни возможностей.

Третья – ввиду нереалистичности. Россия – культурная ветвь Запада, – мотив заманчивый, сколь и известный. В его идейных истоках – «третий завет», «Евангелие Святого духа» (Мережковский), «Философия общего дела» (Федоров), «всемирная отзывчивость» (Достоевский). Сближение западного с российским с фронтальной его духовной редакцией носит волевой и метафизический характер. Говоря кратко, православная этика (инспирируемая ею человеческая солидарность, коллективизм, общее спасение и т. д.) не универсальна ни для поликонфессионального, полиэтнического мира России, ни тем более европейского мира.

Между тем от особой цивилизационной (не мессианской) роли России отказаться нельзя. Непреходящее значение России для мирового опыта в имперостроительстве, созидании сильной государственности, обеспечивающей гражданский мир, гарантии выхода в историю народам, сосредоточенным на просторах Евразии³¹. Деагрегация России как Евразии, ее дивергенция на Европу и Азию, выводя продукты деления на задворки одного и другого, дестабилизирует обстановку, делает жизнь неприемлемой, нетерпимой. Евразия – модус бытия России, осуществляющей цивилизационную миссию поддержанием единства, цельности субконтинента. Позиция скорее всего объясняет причины неизменного восстановления державного тела России в ходе время от времени возникающей деагрегации, сецессии, смуты. Понимание происходящего может быть следующим.

На Западе выделение единой церкви из состава разных стран, стимулируя расслоение политического и конфессионального порядков, предопределило складывание отчужденной от государственности культуры. Вопреки тому в России под эгидой короны произошло объединение державы и церкви. Принимая во внимание отсутствие единой духовной организации в восточном христианстве, его раздробленность на автокефальные национальные церкви, культура и религия, рассогласованные между собой, оказались тотально перекрытыми государством. На Западе борьба государства с престолом приняла очертания общекультурного процесса. В России какой-то масштабной пикировки религии с государством не было. (То, что было, – сектантство, старообрядчество – не могло получить общекультурного статуса.) Следствие – реформация – этатизация: эмансипация культуры на Западе и этатизация культуры в России.

Прогрессивные изменения общества взыскуют модернизации. Государство как достаточно косный механизм модернизационные порывы сдерживает. Противостояние общества государству на Западе амортизирует культура. В России ее благотворные вмешательства (в силу подчиненности государству) невозможны. Коллизии общества с государством решаются за счет государства: либо наступлением на народ, либо сдачей позиций властью. В первом случае торжествует объединительный принцип, унитаризм, во втором случае – смута.

Подрыв государства в России самоубийствен, но вследствие блокирования государством модернизации необходим. Как синтезировать «державность» и «модернизируемость»? Национальный опыт отрабатывал на этот счет механизм империи, позволяющей преодолеть

³¹ См.: Ильин В. В. Российская империя. Отжившее и живое. М., 2024

вать кризисы догоняющим форсированным развитием. Историческая тактика прохождения понижательных фаз странового движения своей затратностью, неоптимальностью себя исчерпала. Используя и корректируя исторический опыт, инструмент империи требуется из державно-властного преобразовать в общественно-народный. Каким образом? Путем наделения «империи» пафосом гражданственности, гуманитарности с опорой на цивилизационный опыт.

1.3. С Востока – свет, с Запада – закон

Ключ к западному и восточному небу, – дивергенция античной общины с выделением индийского и греческого производительных укладов. На Востоке возникла властная корпоративность, на Западе – правовое собственничество. На Востоке утвердился подданный, на Западе гражданин. Отмеченное предопределило складывание долгосрочных линий в социальном развитии, выработку специфических стандартов существования. Отсюда следует: Запад и Восток понятия не географические, – символизируя разные пути движения человечества по истории, разные миры, порядки, универсумы, в самом строгом смысле слова они могут быть уточнены как атрибуты социософские, цивилизационные.

Естественно, всякое обобщение критикуемо. Тем не менее имеются данные, позволяющие обосновать некую последовательно упорядочивающую схему – схему относительно однородных внутрочеловеческих ареалов, противопоставляемых друг другу по ряду реципрокных признаков. Пути самонахождения, самообретения Западом и Востоком собственных исторических регламентов, структур самоидентификации жизни действительно существенно различны. Последнее высвечивает систематизирующая таблица.

ЗАПАД	ВОСТОК
либеральность	властность
правосообразность	волюнтарность
самоорганизованность	директивность
дифференцированность политического и социального	синкретичность политического и социального
партикулярность	абсолютичность
индивидуальность	коллективность
персональная самодостаточность	сервилистичность
консенсуальность	конфликтность
гражданственность	этатичность
собственность	владение
интенсивность	экстенсивность
городская культура	сельская культура
индустриальность	аграрность
инновационность	стагнированность
линейность	регенеративность
децентрализованность	централизованность
демократичность	деспотичность
инициативность	исполнительность
горизонтальность	вертикальность
модернизированность	традиционность
эффективность	затратность
активность	реактивность
мобильность	инерционность

Запад развился из полисной организации социальных отношений, ориентированных на частнособственническую, правовую, граждански-демократическую культуру деятельностного обмена. *Res publica* – общее дело, реализуемое через персональную интеграцию в систему общественных дел. Социальный базис ее (интеграции) – универсальные гарантии ответственному лицу, связанные с возможностью и способностью заявлять, отстаивать, проводить собственные интересы. Отработка механизма подобных гарантий породила корпус прав, свобод, обязанностей, долженствований, а с ними – систему социокультурных статусов индивидуоцентричного, инициативного, правоприменительного, собственнического стиля общественного вовлечения и участия. Соответственный порядок такого рода вовлечения и участия – это и есть остов западной цивилизации.

Восток формировался на иной генеративной основе – посредством выработки политарной (кратократической) жизнепродуктивности. Необходимость налаживания затратного воспроизводства на аллювиальных почвах предполагала контингентирование трудовой кооперации, в качестве приводных ремней социальности акцентировала такие комплексы, как деспотизм, централизм, администрирование, этатизм, общинность. Исторически спланиваясь, уплотняясь, структурно они воплотили незападный путь развития. Всесторонними критиками его были Дефо, Монтескье, тогда как апологами – Вольтер, Кенэ.

Сказанное рассеивает расхожее и дереализующее толкование цивилизации через призму конфессионального признака. И Запад и Восток – образования конфессионально нецельные, к вероисповедным аспектам несводимые. Тот же Восток объемлет буддийскую, иудейскую, конфуцианскую, мусульманскую, синтоистскую церкви. Дело не в вере, а в системе поддержания, вершения жизни. Японцев, китайцев, индийцев, египтян, персов, иудеев, арабов, тюрков единит не вера, а способ творения истории, по которому все они принадлежат Востоку. Восток есть Восток, а Запад – Запад. И хотя двузначная логика в столь тонком деле, как генерация цивилизационных типажей, фиксирующих форму человеческого движения, не проходит, – и варварство, и деспотизм, и абсолютизм, и фанатизм, и кратократическая фанаберия в избытке обнаруживаются на Западе (вспомнить инквизицию, охоту на ведьм, Варфоломеевскую ночь, этнические чистки и т. д.), – различия в жизненных устоях Запада и Востока так велики и реальны, что лишают инфляционности применительно к ним пользование понятием «цивилизация».

Подытоживая эту часть изложения, подчеркнем:

1. Цивилизации в ценностном отношении для человечества не равновелики, что свидетельствует о сугубой ошибке органицистов, допускавших обратное.

2. Цивилизации не обособливаются по религиозному фактору.

3. Не просматривается унитарная цивилизационная динамика всемирно-исторического процесса, – некоторые региональные цивилизации (Восток, Запад) оставляют непреходящий след в истории; некоторые локальные цивилизации (майя) возникают и погибают в истории без систематической связи, практически не оказывая влияния на ток общечеловеческой жизни.

4. Природа цивилизационных связей не получает выражения в терминах связей формационных. К примеру, рабство на Востоке вызвано не формой собственности, а стилем властного ее выражения. Учитывая, что ориенталистское государство – верховный, высший суверен – собственник земли при любом типе владения, пользования, распоряжения угодами, отыскивается исток абсолютной власти над ведущими земледельцами подданными. Альтернативой частной западной собственности на Востоке потому выступает этатизм. Попытки преодолеть частнособственническую производительную форму в закатных социумах, как мы задним числом знаем, плодили не социализм, а этатистскую деспотию. Реставрация присущих архаичным обществам не экономических, а властных, не собственнических, а государственно-владельческих механизмов воспроизводства существования при социализме свидетельствует о невозможности описывать состояния социальности формационными схемами. Цивилизационные шлейфы проступают неформационно: социализм – модификация Востока, а не преодоление Запада³².

Сходно капитализм цивилизационно подготовлен не феодализмом, а возрожденческим восстановлением в Западной Европе в торговых республиках, эмансипированных, получивших широчайшие привилегии самоуправляемых городах³³ греко-римского образа существования (нормы, принципы, институты). Лишены принципиальности в контексте нашей аргумента-

³² Также см.: *Васильев Л. С.* История Востока. Т. 1. М., 1993. С. 35.

³³ Там же. С. 18.

ции и гиперболизированные Вебером правила протестантской этики. Не протестантизм создал капитализм, он лишь усилил цивилизационный потенциал эллинского миродействия.

5. На примере явления внутреннего Востока, когда, как в Афганистане, находятся поклонники не демократизма, а шариата (или в Иране, где в результате революции 1978–1979 гг. отступили к средневековой теократии), крепнет убеждение не всеобщности западного пути – для человечества он не обязателен, не универсален. Не существует генеральной исторической линии унаследования народами западного типа прогресса. Суть не в уровне потребления, не в качестве существования. Суть в иных началах продуктивности (скажем: не индустриальные, а традиционные технологии, не право, а адат). В Объединенных Арабских Эмиратах, Брунее уровень жизни крайне высок. Насколько же органичен для него западный миропорядок? Аналогично в Израиле погруженные в архаику бедуины не взыскуют оседлости; срывая национальные программы урбанизации, предпочитают устроенности городской жизни прозябание в пустыне Негев. Красота не в песках, красота в сердце бедуина, от которого не оторвались чтущие завет предков собратья его пустынники-аравийцы. В силу чего так? В силу нелинейной, не допускающей лобовых пониманий цивилизационной конкретики, по которой народы живут не разумом, а страстно отстаиваемой традицией, – «они предпочитают резню и голод под собственными флагами»³⁴.

6. До XIX столетия по темпам роста Восток практически не отставал от Запада (а в древности и опережал в силу оперативности для больших контингентированных обществ центрально-административных технологий руководства). Ситуация изменилась с момента стремительного прогресса машинной индустрии, фабричного производства, фундаментальной научно-технической, социальной инновационностью. Здесь Восток обнаружил неконкурентоспособность. Камнем преткновения выступили консервативность, традиционность, исключаящие инициативность, мобильность, а с ними – модернизируемость. Исподволь, постепенно применительно к Востоку вырабатывались устойчивые комплексы: в социокультурной плоскости – ментальная неполноценность, в социополитической плоскости – колониализм. Комплексы служили почвой негласного оправдания решительного наступления на «безнадежно отставших варваров». «Поход на Восток», превратившись в знамя движения, кредо западных имперских устремлений, наметил мощный крен во всечеловеческой практике.

Вектору вестернизации Восток противопоставил национально-освободительное движение, борьбу за независимость, деколонизацию, не только отвоевывавших державные права, но и восстанавливавших традицию. Освобождающийся Восток предпринял попятные движения от имплантированных к патримониальным, цивилизно исходным для себя состояниям. Направляющими демаршей стали трансформации эгалитарного в ранговое, реципронного в редистрибутивное (последнее просматриваемо в социально-политической динамике бывших среднеазиатских республик СССР, ныне суверенных стран).

В осмыслении данных реалий, возвращаясь к нашим баранам, напомним, что восточная деспотия как стержень воспроизводственного опыта, исключая собственничество, осуществляет самоподдержание за счет рангово-статусной иерархии. Собственность на Востоке – форма власти, владения, конвертирующая по необходимости мощь, силу на богатства, материальные ценности. Восточная власть наследуется, а с ней – через должности, прерогативы, полномочия – наследуется доступ к собственности (на Западе наследуется собственность – но не власть! – как частное право владения, пользования, распоряжения имуществом).

Сообразно такому регламенту социальной кооперации складывается феномен владельческих прерогатив: «одна и та же земля (а точнее, право на продукт с нее) принадлежит и обрабатывающему ее крестьянину, и общине в целом, от лица которой выступает распределя-

³⁴ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. М., 1992. Т. 2. С. 322.

ющий угоды старейшина, и региональному администратору, и верховному собственнику»³⁵. Никакой множественности прав, никакого плюрализма собственности в зависимости от власти Запад, где выработались четкие частно-правовые каноны, не знал.

Обстановка, чтобы земля была всех вообще и ничьей в особенности, чтобы все, кто как может, получали с нее доход пропорционально власти, изначально исключалась западным индивидуализированным хозяйствованием, рассчитанным на извлечение прямой партикулярной выгоды. Дивергенцию отсеков цивилизации, как видно, обуславливает *modus gubernanti* – способ отправления жизни. В качестве такового Запад отработал рыночную, частнособственническую, правовую, тогда как Восток – центрально-административную, командно-директивную систему. Организация существования идет на Западе – от рынка, собственности, права; на Востоке – от власти, владения, иерархии (соблюдения статусов).

Некогда единый общинный базис жизни расщепился на несопряженные стези социальности, описываемые оппозициями рынок – власть; собственность – государство; право – приказ. Отсюда, как из основания, вытекают следствия:

а) на Востоке в противоположность Западу нет экономических классов, есть правовые слои и бесправные;

б) на Востоке в отличие от Запада государство стоит над экономикой, над собственностью; примат власти выражается в системе отработок на нее (труд на общих полях, отчуждение части урожая, выплаты) – взимается своеобразная рента, аккумуляция которой позволяет содержать этакратические структуры (государство, храмы и т. д.);

в) правящие слои на Востоке благодаря причастности к властной, государственной иерархии доминируют в экономике – владеют, распоряжаются, распределяют, перераспределяют; такого рода прерогативы на Западе – удел собственников;

г) средоточие социальной интеракции, нерв межсубъективной коммуникации на Западе – интерес, на Востоке – надзор (в Египте при Птолемеях учрежден пост генематофилака – стража урожая, соглядатая – исполнителя приказа о государственном обложении каждого колоска. Ср. с отечественным печально известным законом о пяти колосках);

д) на Востоке в отсутствие субъекта гражданских прав социальное поведение ассюрирует административный произвол, безнарядье властвования; на Западе при наличии субъекта частного права верховодят формальные кодексы, обоюдообязательные (для государства и гражданина) законы;

е) на Востоке, вопреки Западу, нет явного субъекта собственности, общинно-государственная форма хозяйствования влечет иррадиацию владельца средств производства: владеет и пользуется собственностью коллектив производителей, владеет и распоряжается ею (общим достоянием) от имени коллектива административный глава – от старейшины до государя, от храма до государства³⁶, частная собственность, даже появившись, укрепившись, на Востоке второстепенна, не будучи защищена от произвола власти какими-нибудь привилегиями, гарантиями, свободами, правами³⁷;

ж) механизм защиты от управленческого беззакония на Западе – гражданское общество, суд; на Востоке – корпорация, вельможная воля;

з) на Востоке законы пишутся от имени и во имя государства, на Западе от имени и во имя лица;

и) на Востоке крепнут вертикальные (субординативные) связи – клиентельные, общинные, клановые, на Западе – горизонтальные (координативные) связи – связи не подчиненных, а

³⁵ Васильев Л. С. Указ. соч. С. 70, 32.

³⁶ Васильев Л. С. Указ. соч. С. 212–213.

³⁷ Там же. С. 82.

потенциальных социальных партнеров, союзников, субъектов самодостаточного равнодостоинного кооперирования;

к) на Западе право – гарантия свободы, на Востоке гарантия свободы (автономия от произвола) – статус, место в иерархии власти;

л) эффективность на Западе – производное активности, динамизма, инновационности, мобильности; эффективность на Востоке – дериват реактивности, внутренней устойчивости, стабильности, консервативности. Пафос социальной трансформации на Западе – преодоление прошлого, на Востоке – восстановление его;

м) на Западе время линейно (кумулятивно-прогрессивно), общественная динамика покрывается звеньями цепи: повышательная фаза – сатурация – понижательная фаза (стагнация) – инновация – повышательная фаза; на Востоке время инверсионно (циклично-возвратно), общественная динамика покрывается звеньями цепи: повышательная фаза – сатурация – понижательная фаза (стагнация) – реверсия – повышательная фаза. Характер преобразований в одном случае эволюционен, в другом инволюционен;

н) кризис государства на Востоке вызывает кризис социальности: страдают низы – от произвола верхов; страдают верхи – от маргинализации, криминализации низов; страдают производители – от подъема бюрократов; страдают бюрократы – от упадка производителей³⁸. Смена власти на Востоке – трудно идущий вирулентный акт. На Западе – мощные амортизационные механизмы дистанцируют социальность и государственность. Правительственные кризисы не влекут кризисов гражданских; смена власти здесь – ординарный, санационный акт. На Востоке взыскают сильной, на Западе правоприменительной власти. На Востоке самоценна сила, на Западе – баланс сил;

о) на Востоке собственность конвертируется на силу (престиж), на Западе – престиж (сила) на собственность;

п) протестное поведение на Западе сфокусировано на неимущих; аналогичное поведение на Востоке – на имущих (ср. с российскими обычаями борьбы с кулаками, фермерами, крепкими хозяевами). Революции на Западе оптимизируют социальную отдачу собственности; революции на Востоке стимулируют передел собственности;

р) цивилизационный рост инициируется урбанизацией – монументальным городским строительством с обслуживающей его инфраструктурой, стоящей дорогого. На Западе ввиду индустриально инновационной ориентированности производства городская культура прогрессирует, на Востоке ввиду аграрно-реставрационной ориентированности производства городская культура деградирует.

Полагая, что продолжительность изложения прямо пропорциональна исчерпываемости авторской трактовки сюжета, перейдем к выводам. Высший смысл сказанного сводится к той мысли, что «странно было бы желать, чтобы народы в образе жизни, в привычках их, степени просвещения и промышленности различные, покорялись с равной удобностью единому образу правления» (Сперанский). Дифференцированность народов понятна. Непонятна «болезнь европейничанья».

Гниение западной цивилизации констатировали Кьеркегор, Маркс, Энгельс, Ницше, Герцен, Хомяков, Киреевский, Шевырев и еще тьма авторов. Почему же западная цивилизация не только живет, но и процветает? Это одна сторона проблемы. Другая состоит в следующем. Говоря о перспективах России, Леонтьев указывает на предпочтительность молодого старому, утверждает: «Как племя... мы гораздо ниже европейцев; но, так как и не преувеличивая (в патриотическом ослеплении) молодость нашу, все-таки надо признать, что мы хоть на один век (? – В. И.) моложе Европы, то и более бездарное (? – В. И.) и менее благородное (? – В. И.)»

³⁸ Васильев Л. С. Указ. соч. С. 229–230.

племя может в известный период стать лучше в культурном отношении, чем более устаревшие, хотя и более одаренные племена»³⁹.

Взгляд Леонтьева и темен, и оспариваем. Довольно апеллировать к Герцену: «Не следует слепо верить в будущее: каждый зародыш имеет право на развитие, но не каждый развивается»⁴⁰. Славянам, выводит Герцен, умной крепкой расе, «богато одаренной разнообразными способностями, не хватает инициативы и энергии»⁴¹. Есть ли преимущество молодого старому? Каким образом одним народам (Китай, Южная Корея и т. д.) удастся преодолеть «свою специфику», а другим (Россия) нет? Наконец, как все это корреспондирует с морфологией истории, о которой Шпенглер, называя время жизни поколений, для каких бы существ они ни рассматривались, числовым значением почти мистического свойства и приписывая эти соотношения историческим цивилизациям, высказывается буквально так: «Каждая цивилизация... каждый взлет, каждое падение и каждая непостижимая фаза каждого из этих движений обладает определенным временным периодом, который всегда один и тот же (? – В. И.) и который всегда имеет свое символическое обозначение»⁴².

Каков же в нашем случае временной период для России, какое символическое обозначение в себе он несет?

³⁹ Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад, 1915. С. 98.

⁴⁰ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 тт. Т. 7. М., 1954–1965. С. 334.

⁴¹ Там же. С. 154.

⁴² Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М.; Пг., 1929. С. 121–122.

1.4. Социальное зодчество в России

«Что предсказывает Дух, то выполняет Природа, фиксируя целевоплотительно-продуктивный (относительно мира) статус творящей мысли», – говорит Гете. Конструированием из наличного бытия того, что бытие превосходит, заняты поэтический и прагматический разум, в предельности своего выражения совпадающие с искусством и политикой. И там, и там – проявление духом креативного потенциала, в опоре на полет мысли, воображение созидающего историю мира. Используя формулу Лорана, можно утверждать: история мира и есть, в конце концов, история развития способной воображать мысли.

Идеи сегодня – это действительность завтра (Т. Манн). Верно. Но в тенденции, в перспективе, в принципе. Буквальная же интерпретация платформы, в прямолинейной форме вводящая соблазн непосредственно проекты переводить в исполнение, лишена смысла. В том отношении, что неограниченное нормой справедливости право безудержно воплощать замыслы оборачивается для тела насилием, для души ложью.

Голосующий идейным нетерпением необуздан, страдальчески несамостоятелен, беспокоен, порывист. Процесс трансформации в небывалую сторону известных предметов не разряжается вспышкой субтильных иллюзий, – он отягощает реальность внесением нот фальшивых, жестов бесчестных.

Благодарность не завсегдагай истории. Между тем ясно: существование не может являться заложником хитро-уродливых переплетений, сил, начал, тщаний мысли. Величие человека – не от сана, а от нравственной высоты. Величие мира – не от отрешенности, а от жизненной силы мысли. По способности производить глубокие, опережающие идеи качества ума, вкуса искусства и политики (политической философии) сходны. Однако по умению осваиваться с жизнью и не бедствовать пути искусства и политики разнятся.

Искусство соприкасается с миром, не пребывая на гребне происходящего. Его стихия – не посягающая на судьбу, жизнь, историю, образность, недеятельностные интуиции. Отвлеченные, идеалонесущие, взыскующие сопереживания, они поражают, потрясают, завораживают выразительностью форм, воздерживаясь от забот по преобразению мира. Элемент условности, иллюзорности, отстраненности от реальности здесь, таким образом, предзакладывается. Долженствовательное, преодолевающее сущее, удаляющее от него возможное, потенциальное искусство модельно воплотительно, свободно изобретательно, – тут никто не держит, никто не ждет.

Поэт! В твоей предметы воле.

Цель искусства – искусство. Оттого – «душевных наших мук не стоит мир». Следует уточнить: мир исторический, судьбический, жизненный. Душевных мук искусство достаивает мир воображаемый, вымышленный –

*Не легкий труд, о боже правый,
Всю жизнь воссоздавать мечтой.*

Ради этих нелегких трудов, в сущности, предпринимается самопреодоление, самопревозможение. И чем значительней, всеохватней оно, тем совершеннее гений. «Судьбы всемогущее поэт», – по причине самопреображения, самопревознесения занятый созданием собственного воображаемого мира. Богатство, представительность последнего удостоверяют непреходящность творения. Равно как личностную удовлетворенность автора. Сверхцель деятеля искус-

ства – достижение высокого, оправдывающего любой бунт в отношении а priori невдохновенных самых «позитивных реалий».

*Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему Конституций!*

Широта, глубина, одухотворенность содеянного мечтой, воспарение в эмпирии, где сам ты «высший суд», означает обретение бессмертия («бессмертен ввек пиит»), свободы, самовыражения, независимости, а с ними – счастья.

*Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними. Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать... Вот счастье.*

Есть божья правда, действующая в граде божьем. Есть поэтическая правда, действующая в граде романтическом. Страшно далеки они от правды, действующей в граде жизненном. Смысл первой правды – в молитве; смысл второй правды – в «едином музыки напоре» (Блок). Оба эти смысла принадлежат вечному. Смысл третьей, причастной наличному, правды – продолжать жизнь, обеспечивать достойное вершение жизни. Сказанное о конструировании мира искусством оттеняет особость миротворящих политических инициатив, – а именно: выходя за границу идеально-мечтательного, они всесторонне жизненны.

Отсюда проблема: как политике не утратить остатка календарной листвы, как руководствующейся понятиями, схемами, идеалами практически-преобразовательной (не мечтательной) деятельности наладить неущербное (когда «дряхлеют догматы») творение жизни. Не от фантазий, экзальтаций, наитий, а от «позитивных реалий».

Ответ, найденный на Западе, остается неосвоенным в России. Искусство и история, мечта и жизнь здесь удивительным манером спутались. У нас почему-то убеждены, что судьба, как поэзия, творится непосредственно в вечном. Оправданием сему служит канонический панлогизм, признание самозаконности руководства жизни человеческим разумом.

«Между гегелевою философией и коммунизмом Франции существует самая тесная, самая законная связь», – констатирует Самарин⁴³. Проникшись французским экспериментом, и у нас в философии стали искать «свое основание, свой залог самобытности и своей нравственной свободы» (Веневитинов). В философии, однако, ничего подобного не нашли, о чем, итога поиски, прямо высказал Соловьев, подчеркивая: «Никаких действительных задатков самобытной русской философии мы указать не можем: все, что выступало в этом качестве, ограничивалось одною пустою претензией»⁴⁴.

Не найдя в философии, нашли в доморощенной, нередко выраженной в форме сна (как у Сумарокова, Радищева, Улыбышева, Чернышевского) утопии. Русская нива оказалась утопической нивой – почвой грез, мечтаний, фантазий, сновидений, – через подвижничество, рекордизм, пионерство взыскующей создания нового земного рая.

Россия – «красивое и беззаботное чадо европейского семейства», – утверждает Кейнс. Чадо красивое и беззаботное. Непреходящее влияние европейского на российский дух заключается в привитии панлогизма. Со времени подключения к просвещенческой парадигме рос-

⁴³ Самарин Ю. Ф. Соч. Т. 12. М., 1911. С. 432.

⁴⁴ Соловьев В. С. Собр. соч. Т. 5. С. 88.

сийское сознание пропиталось идеологией «объективной рациональности» – стремлением устраивать жизнь по разуму; готовностью творить историю по идее; желанием вершить судьбу по логической принудительности. Каков итог? Возобладание в практическом и общественном порядке падкой на прожектирование «размышляющей публики», не останавливающейся ни перед чем (разум ведь нейтрален, техничен, «чист» относительно гуманитарной проблематики) в достижении «высоких» идей.

*Я тем завидую, кто жизнь провел в бою,
Сражаясь за великую идею.*

Идею побеждают идеи. Сражаться за идею надлежит не в бою, а в среде академической, обладающей развитым чувством критичности, аналитичности, дискуссионности. Каталог претензий поставляющей «внутреннюю правду» «размышляющей публики» обширен. Здесь достигающие ранга общенациональных идей утопические проекты цельного знания, православной церковности, византийской традиционности, общинного социализма, пролетарского коммунизма. Полет мечты высок, неисповедим. Что же воплощение?

Лобовая проекция идеалов на жизнь сплошь да рядом влекла искажение жизни. Невозможно установить правду, счастье на Земле «механическим путем» (Франк). Где, казалось бы, приближалось чаемое, сек прут; где, казалось бы, претворялось желаемое, давило ярмо; где, казалось бы, намечалось потребное, рубил меч.

Миг вождеденный не настаивал. Счастье обетованное ускользало. Жизнь измеряется и мерой утрат. Перед лицом пропасти издержек жизни необходимо понять: коль скоро история творится не в вечном (мечтательном, идейном), следует оставить интенцию на социальное устройство через призму понятий о вечном, имея в виду вечное. Регулятивная природа идеальных символических форм сказывается в ориентации на вечное, мера приобщенности к которому избирается народно-легитимно, консенсуально. Тяга к высокому имманентна: стремление возвышаться, озабочиваться покорением рубежей более значительных отличает сугубо человеческую способность самодвижения. Но это в смысле не итоговом, а тенденциозно катарсическом. «Ценность человека, – говорит Лессинг, – определяется не обладанием истиной, подлинным или мнимым, но честным трудом, употребляемым на то, чтобы достичь истины... Если бы бог, заключив в свою десницу истину, а в шуйцу вечное стремление к истине, но с тем, что я буду без конца заблуждаться, сказал мне: «Выбирай!», я бы смиренно принял к его левой руке, говоря: «Отче, дай! чистая истина – она ведь для тебя одного!»

*Без души и помыслов высоких
Живых путей от сердца к сердцу нет.*

Призвание идеалов не изменять жизнь, а определять помыслы, ориентируя изменение жизни на жизненные реалии.

Искусство не требует почитать свои произведения за действительность. Перекрытие граней условного в восприятии шедевров, срывание всех и всяческих масок, нечувствительность к аллегориям плодят курьезы (посетитель галереи с криком «Довольно крови!» кинулся на картину Репина «Иван Грозный убивает сына»), трагедии (не в меру ретивый расист и служака застрелил исполнявшего роль Отелло актера, оправдываясь: «Пусть никто не смеет говорить, что в моем присутствии негр убил белую женщину»). Нацеленная на преодоление сущего отстраненная образность искусства вдохновительна. «Вдохновение, – указывает Пушкин, –

есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных»⁴⁵.

Вдохновенность, духоподъемность варьируются в зависимости от углов зрения, восприимательно-понимательных позиций, интенций. Задумаемся: что изобразил Репин – домашнюю ссору или историческое событие? Сообразно трактовке, что приличествует домашнему просцениуму, а что авансцене истории, складывается отношение к изображенному. Один подход: художник выдержал торжественный стиль, подобающий масштабу исторического. Другой подход: художник «впал в шарж и непозволительное безвкусие, представив вместо царского облика какую-то обезьяноподобную физиономию»⁴⁶.

Не суть важно, кто прав. Важно понимание: в центре искусства воображаемый идеал, художественное понятие, получающее представленчески-образное выражение, мера глубины, высоты которого оказывают определенное вдохновительное воздействие на окружающих. Совершенно в ином измерении разворачиваются социально-политические, общественно-исторические акты. Искусство образно. Политика, связанная с нею жизнь материально-предметна. Вершение жизни нельзя подчинять идеальному, понятийному, мечтательному.

«Разум схватывает не жизнь, а сверхчувственную интеллектуальную интуицию», – настаивает Гегель. Все наше социотворчество есть один сплошной непрерывающийся разумный эскапизм – уход в идейную, интеллектуально-интуитивную иллюзию. Обустройство реальности у нас доктринально; разворачивается как смена умозрительных вех:

*православие – самодержавие – народность;
Ленин – партия – комсомол;
демократия – рынок – открытое общество.*

Понятия, интеллектуальные интуиции, идеалы есть. Нет жизни, организующейся не по понятиям. Творение истории не историософско. Пора покончить с мелким арапством перед идеологией. Идеи обслуживают, а не заслоняют жизнь. Per fas et nefas у нас ставили метафизические эксперименты по обмирщению идеалов, реификации исторических глобальных целей. Но глобальная история не имеет целей. Цели имеет локальная деятельность. Обустройство локалов по обозримым, вполне внятным планам – вот цель. Любить, верить и служить самим себе – вот программа.

В фокусе не завоевание, а благополучие. Не вообще, а конкретных исторических лицедеев – народов, этносов, лиц, борющихся за собственное понимание свободы, удовлетворения, процветания.

В создавшихся условиях необходима оценка наличных активов, магистралей потребного общественного развития. Нужна трезвая платформа взвешенных инициатив, мобилизующая на созидание гуманного, изобильного, свободного, продуктивного социума.

Перспективной силой, наделенной полномочиями субъекта национального действия, обеспечивающей гражданский мир, благополучие народов России, является, по-нашему, *социально-политический центризм*, который:

- *идейно* блокирует экстремизм, радикализм;
- *экономически* акцентирует мелиоризм – систему обозримых, осязаемых, улучшающе-преобразующих починов;
- *социально* исповедует эволюционизм, сбалансированно-некатастрофичные трансформации;
- *психологически* дискредитирует авангардизм, эсхатологизм, мессианизм.

⁴⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 тт. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 57.

⁴⁶ Вестник изящных искусств. 1885. Т. 3. Вып. 2.

В самой широкой редакции, следовательно, центризм есть продуманный антимонополизм, избегающий в вершении истории нездоровых претензий на исключительность, декларативность, профетизм, стремлений выступать от имени «большого времени», Прогресса, неизбежно приносящих человеческую судьбу на алтарь «идеала».

Двойные тени двойных истин дают двойную ложь. Вспомним хилиазмы «большого скачка». Сталин замышлял досрочное выполнение пятилеток; Хрущев – контрамериканский животноводческий демарш; Мао – общекитайский бросок. Без ресурсного, технологического обсчета в магические три года. Упомянув об этом без каких-либо претензий, желательно подчеркнуть небезболезненность преобразовательных экзальтаций. И Россия, и Китай, как впоследствии Кампучия, захваченные страстью как бы сбывающейся мечты, пережили трагедию национального холокоста. Откуда видно, что доктринальной мифологии сопутствует бестиализм; безответственный прогрессизм требует якобинизма. Но борьба не создает, а разрушает ценности. Движение через гильотину – маршрут гибельный. Бытие должно быть избыточным относительно срока индивидуальной жизни. Если ради идеального порядка надо топить и вешать, то, как говорил Чехов, к черту такой порядок.

Доказательства ничтожности кабинетно проектируемого существования – примеры, подтверждающие его величие. Потому сусальные краски не пригодны для описания мира, именуемого «наше будущее». Довольно доктринерского изображения действительности, кладущего начало бесчеловечному царству неизменно посрамляемых идей.

Равным образом отвергая как доктринерство, так и бестиализм, ставя при этом на первый план интересы граждан, простых людей, правильно в политической деятельности руководствоваться принципами:

- постепенности, ненасильственности социальных реформ ввиду нежелательности, опасности (многократно усиливаемых ядерными, экологическими факторами) общественных катаклизмов;

- человеколюбия: гармоничное развитие личности, приобщенной к высотам правовой, гражданской, экологической, физической, соматической, интеллектуальной культуры;

- демократического участия: заинтересованная вовлеченность индивида, предполагающая полноту самореализации, его представленность в общественных институтах;

- свободы: гарантии опирающегося на народовластие, правовой строй персонального волеизъявления;

- социальной справедливости: ликвидация пропасти в доходах 10 % наиболее высоко- и низкооплачиваемых, поощрение продуктивной инициативы, обеспеченная оплата таланта, труда, твердые патронажные программы поддержки малоимущих, социально уязвимых слоев;

- этнической терпимости: равноправное, достойное развитие всех этнических групп, имеющих национально-культурную автономию, на условиях федеративного объединения входящих в территориально неделимую Россию;

- конструктивного взаимодействия страны с мировым сообществом, интеграции России в мирохозяйственные связи, активного формирования единых экономических, культурных, коммуникационных контуров и пространств.

Время мысленных живописаний для России прошло. Настала пора ответственных, практических шагов и действий.

Власть в России теперь должна заявить себя не как слепая, но как культурная, народоохранная инстанция. Инстанция цивилизующая, цивилизирующая.

Потенциал цивилизации – потенциал целесообразно-разумного, продуктивного есть высшее достояние-достижение человечества. Варварство истребляет. Цивилизация созидает. Способность созидать выше способности истреблять, – и в этом конечное основание преимущества одного перед другим.

Цивилизация как созидание, творение, потенциальное обусловливание посредством предсказуемых улучшений, планируемой позитивной динамики, однако, рычаг небезобидный. Выдвинем формулу, которая, может быть, на поверхности многим покажется странной, но по осмыслению справедливой: цивилизация есть теизация. Существуют мгновения, замечает Камю, когда любой человек чувствует себя равным Богу. Богоравность приходит, когда, словно при вспышке молнии, становится ощутимым поразительное величие человеческого ума⁴⁷. Уподобленность Богу возникает в достижении свободы. Подлинная же и полная свобода обретается в способности выступать единственной причиной вещей. Последняя реализуется в умственном творчестве.

Достижение заветной творческой стадии «всестороннего причинения» аппетит распяляет. Оно – форпост атаки реальности. Из умственной сферы, где отпадает все, что томит, стесняет душу, окрыленной верою в будущность идей *au nom du salut public* производится скачок в действительность. Воистину нет границ неуемной гордыне: если Бог есть, как вынести мысль о невозможности быть им не только в разуме?! С легкомысленным задором чистоту мысли возвышают над чистотой жизни, дается начало безоглядному социальному устройству.

Немощные выходы разума против реальности заведомо обречены на провал своей умозрительно-плановой, целесообразно-дидактичной отрешенностью. Достолюбезный псаломщик несбыточно-призрачно-обманчивого в истории – разум. Не сон разума рождает чудовищ. Рождает и умножает их непосредственно разум.

Но если носитель знамени социальной патологии разум, как, сочетая «цивилизацию» и «историю», вершить цивилизованную историю, гуманитарно выверенную, богоугодную жизнь?

Сочетать разумно-цивилизованное и гуманитарно-оправданное в реальном социотворчестве – редкий дар исторического величия, которое, как выяснил Г. Федотов, имеет два смысла. Количественный: властитель – типа Аттилы, Чингисхана, Тамерлана, Ивана IV, Петра I, Сталина – в глазах «лишенной совести Клио» (Федотов) велик грандиозностью вызванных его починами затрат, жертв. Плоды усилий властителя-висельника и бандита-рецидивиста разнятся числом пострадавших. Но не только. Они разнятся мотивацией, целеориентацией, целестимуляцией, идеологией «во имя чего все». Побуждения бандита поглощены шкурным, побуждения властителя – державным (в отсутствии подобных различий предводитель отечества – банальный бандит). Оттого количественный смысл дополняется качественным, акцентирующим существо идеалов. Если жертвы идут на обслуживание не эгоистического, а социального, не на чистое разрушение, а созидание, имеют «отношение к ценности» государства, учреждения, нации, «величие» получает «видимость положительного значения»⁴⁸.

Выходит, высокая цель (идеал) деятельности оправдывает жертвы, – история ценит не затраты, а результаты? При ближайшем рассмотрении довод не является тем грузом, который перевешивает чашу трезвомысленного отношения к жизнелюбивой истории. Не случайно Федотов апеллирует к слабой выразительной модальности, употребляя «видимость положительного значения». «Видимость» – потому, что и «результативность» не предельный и окончательный шиболет «величия».

«Последние» основания исторического суда лежат над историей: не меряются мерой деятельности успеха. Суть не в прагматизме, а в гуманизме – человекообразности, человекопричастности, вне и помимо которых – сомнения в величественности содеянного. Тем же Иваном IV, Петром I, Сталиным...

История не природна и не божественна. Она человеческа. В ней действуют законы неоднзначного выбора, проявления субъективного. Ток истории не предопределен, не олицетворяет

⁴⁷ См.: Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 92.

⁴⁸ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 20.

прогрессивного воплощения какого-то идеала (консервативного, либерального, национального). Люди самочинно созидают историю, создавая возможности продолжения или прекращения жизни. Возможности неравнодостоинные.

Проводимая нами линия состоит в подчеркивании предпочтительности жизнелюбивых возможностей. Скажем: французская революция, выступив с идеалами свободы, равенства, братства, оплатила их ценой непомерной. Стоило ли? Концептуально вопрос бессмыслен. Будучи невосприимчивым к человекоразмерной тематике, разум одинаково успешно аргументирует прямо противоположные позиции. Между тем вопрос осмыслен экзистенциально. В случае отношения к истории как предприятию гуманитарному в расчет надлежит брать ценности жизнеутвердительные. С этого угла зрения человеческая социальность не создается гильотиной.

Неоднозначность деяний в истории предопределяет неоднозначность их оценок, – при структурной, функциональной аберрации идеалов имеет место дисперсия квалификаций. Буржуазные ценности февраля – марта в России общественно перспективнее социалистических идеалов октября. Но это задним числом. В исторической – всегда конкретной борьбе людей и условий – частенько побеждает нелучший, неперспективный путь. Побеждает потому, что варианты развития не задаются – они создаются, прямо порождаются интригой.

Для Троцкого Сталин не вождь, а мародер, узурпатор. Никакой необходимости действовать, как Сталин, с точки зрения Троцкого нет. А по сути дела? То же раскулачивание, форсирование коллективизации, осоциалистичивание села, – оправданы ли они в борьбе с многоукладным хозяйствованием? Проблему не удастся оценить однозначно. Одна правда – в плоскости принятия непосредственных решений. Другая правда – в плоскости очищенной от давления злобы дня опосредованной рефлексии.

Таким образом, есть креативная конъюнктура и есть действующий в отношении нее суд разума, суд времени, – высший исторический суд. Последний упрочает убеждение неадекватности высокой восприимчивости деятельности к стихии зла: в конечном счете, в тенденции, в итоге, в принципе история благословляет технологии *in bonam partem*. Все прочее – суетливая утилитарность, имеющая, быть может, легкий, но всегда непрочный успех.

Нельзя быть более мудрым, чем твое поколение. Тем более поколения последующие. Тактически (оперативно) позволительно принять режим, замешанный на преступлении. Стратегически осуществить сие непозволительно. Значительна правда в утверждении, что концентрация ненависти к ближним, гимнастика предательства, пристрастная игра на человеческих пороках создают жизненную и ценностную базу гуманитарного реванша. Всякое «великое» в количественном смысле, отмеченное чертами затратной борьбы, тираничности, деспотизма социальное обихожение получает в веках обязательное и всестороннее развенчание.

Политические вывихи исправляются в истории цивилизованной гуманитарностью, в основе которой «народов вольность и покой». Или в социологической транскрипции «свобода» и «закон», ориентирующие на мир, благополучие, созидание. Желанному сочетанию данных форм требуется наличие силы, мотивирующей поступки, мобилизующей волю как власти, так и народа.

Правонеорганизованный, игнорирующий интересы целого народ, обречен. Беспощадное зло, ненужно насилующая власть обречены также. Стихия, анархия, произвол, бросая вызов реальности, посрамляются жизнью.

Свобода – особое состояние власти и народа, обретающих призвание, самореализующихся через высокую цивилизованность существования. Разгласите право на бесчестие – побегут за вами (Достоевский). Побегут. Но кто и как? В случае народа – толпа. В случае власти – самовластье. И один и другой вариант цивилизованность, сцепленные с ней свободу, закон, исключают. Применительно к народу безбрежная, безотчетная вольность в качестве вырожденного финала имеет репрессивное усмирение.

*К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь!*

Применительно к власти, с некоторых пор поражающейся избытком собственного совершенства, упоение в присвоении лавров венцов удостоенных в качестве вырожденного финала имеет произвол.

*Где благо, там уже на троне
Иль самовластье, иль тиран*

Отвратить жалко бесстыдное в жизни позволяет органическая тяга «ко всякой законченности формы» (Федотов) свободы и закона, преодолевающих нецивилизованную стихию.

Счастливое сочетание одного и другого как не внешних стяжек, а внутренней звукописи бытия обозначил искавший идеальное в жизни Фауст. Обозначил в модели. За переживаемое торжество когда-то еще воплотимого, но уже найденного достойного останков мгновения его и разит нечистая сила. В чем идеал? В вещах вполне простых, однако великих (в качественном смысле), связанных с самопроизвольным (не самочинным) вершением малых, медленных трудов.

Идеалисты – соль земли. Революции роятся в мозгу монахов. Но и поэтов. В откровенных, чистых, ясных строках, единящих глубину и легкость, изящество мысли, выражено заветное

*Так именно, вседневно, ежегодно,
Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пуškai живут муж, старец и дитя.
Народ свободный на земле сводной.*

Свободолюбивый строй человеколюбивого общества опровергает наполеоновское «прогресс выше гуманизма». В цивилизованном состоянии прогресс возможен лишь через гуманизм.

Эксперименты, поставленные историей, – предатели, изменники, несчастные, жертвы. Но даже они бросают вызов авторитету Ницше, полагающему: «К измельчанию человека и к приданию ему большей гибкости в подчинении всякому правлению стремятся, видя в этом прогресс»⁴⁹.

Верно, кривые ножи и рожи довольно часто правят миром. Но они никоим образом не исчерпывают его «значения». Люди выбирают разные пути в мире. Используя мысль М. Булгакова, можно сказать так: одни, спотыкаясь, карабкаются по дороге тщеславия, другие ползут по тропе унижительной лестницы, иные пробиваются по колее лицемерия и обмана. Советники зла, начальники неправды, колющие неблагодарством своего облика, быстрыми шагами идут они навстречу гибели. Побеждают, находят убежище, а не странствие, получают признание идущие по крутой дороге рыцарства, презирающие земные блага, но не честь.

Нельзя быть заложником шкурных идей, нужно быть заложником высоких ценностей.

Ценность как «шаблон организованных предрасположений к действию» (Шибутани) проистекает из человекоподъемных целей. Тайна происхождения ценностных «надмирных» форм в их опосредованности эмпирическими земными целями. Цели – сущности верифицируемые, претворяясь практически, гарантируя достижение оптимального, желательного, они приоб-

⁴⁹ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. IX. М., 1910. С. 80.

ретают статус общезначимых символов, потенциально корректирующих опыт вне локальных обстоятельств «здесь – теперь». Перекрытие непосредственных, сиюминутных добропорядочных действий в генерализации их целевой оснастки, превращающейся в схему обозначения типологичной деятельности. «Схема обозначения» и есть содержательный контур ценностной категории, вмещающей принятие ролей, обеспечивающей налаживание самоконтроля, иницирующей преследование интересов с разумной уверенностью в себе и в конечном итоге влекущей гарантийный лад межсубъективной коммуникации с высокой согласованностью стимулов и взаимных реакций.

«Пройдет еще много лет, разыграется не одна война, стрясется не одна революция, – утверждает Дали, – прежде чем люди наконец поймут, что иерархию не выстроить без строгой выучки, что без жесткой матрицы не отлить форму, – такова высшая, причем крайне реакционная истина». Истина, что социальный мир крепится на значении добропорядочности коммуникации и фундирующих ее символических ценностно-целевых ареалов.

Над творимыми жизнью ценностями нет судей. Не являются ими обладающие сугубой способностью порождать идеалы рычаги революции и искусства. Последние – данники нигилизма: отрицая позитивно практическое, «ищут выход из тупика в терроре»⁵⁰. В чистом виде фанатик идеала – носитель нигилистической всеобщности – ужасен. Таков, скажем, гроссмановский Абарчук, беспрестанно боровшийся за идеал, все отрицая. Его душевная сила, его вера были в праве суда: «он усомнился в жене и расстался с ней. Он не поверил, что она воспитывает сына непоколебимым борцом, и он отказал сыну в своем имени. Он клеймил тех, кто колебался, презирал нытиков и проявляющих слабость маловеров. Он предавал суду энтээровцев, тосковавших в Кузбассе по московским семьям. Он засудил сорок социально нечестных рабочих, подавшихся со стройки в деревни. Он отрекся от мещанина-отца. Сладко быть непоколебимым. Совершая суд, он утверждал свою внутреннюю силу, свой идеал, свою чистоту»⁵¹.

Утверждал без всех и вне всех. А в итоге? Пустота. Круги по воде. Молчание вечного.

Все горе и зло, «царящие на земле, все потоки пролитой крови, все бедствия, унижения, страдания, – уточняет Франк, – по меньшей мере на 99 % суть результаты воли к осуществлению добра, фанатичной веры в какие-либо священные принципы, которые надлежит немедленно насадить на земле, и воли к беспощадному истреблению зла; тогда же как едва ли и одна сотая доля зла и бедствий обусловлена действием откровенно злой, непосредственно преступной и своекорыстной воли»⁵².

Горе от стремления к добру?.. Отчего это? Прибегая к соображению Ницше, – от идеального фанатизма, упивающегося отрицанием. Идеальный фанатизм (в изобилии произрастающий на почве России) страшен своим отрицанием: зная отрицаемое так же хорошо, как самого себя, по той простой причине, что он вышел оттуда, там его дом, втайне он постоянно боится вернуться туда, хочет сделать возвращение туда невозможным для себя именно способом отрицания⁵³.

Всеотрицающий идеальный фанатизм – опасная, подкапывающаяся под жизнь сила.

Может ли хорошая доктрина и честный дисциплинарный энтузиазм «организовать человечество»? Никогда. «Организовать» человечество нельзя, «организовать» можно человека. Правда, лучше, если делать это будет он сам.

Выделим мысль Дао Дэ Цзина, говорящего: посредством нормального упорядочивают государство; посредством аномального применяют оружие; посредством отсутствия дел-ситуаций овладевают Поднебесной.

⁵⁰ Камю А. Указ. соч. С. 332.

⁵¹ Гроссман В. Жизнь и судьба. Челябинск, 1990. С. 154–159.

⁵² Франк С. Л. Соч. М., 1990. С. 128.

⁵³ Ницше Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 150.

Коллективная жизнь регулируется правом. Индивидуальная жизнь – моралью. Универсализация морали залог принуждения. Универсализация права залог свободы. Каков мир, способный утолить жажду достоинства, свободы, полноты морального существования, неискоренимую в каждом человеческом сердце?⁵⁴

В вечности пребывают боги; в суетном – презренные; в свете – пророки, поводыри, герои; в покое – обретшие.

Каждому – по его вере и по его доле. Каков же идеальный удел в совокупных плодах победы?

Социальное моделирование обозначает два сценария идеального человеческого самообретения.

Один – ситуация полноты бытия (в отсутствии суеты сует), где днем можно гулять со своею подругой под начинающими зацвести вишнями, вечером – слушать музыку Шуберта, где всегда приятно писать при свечах, слушать беззвучие, наслаждаться тем, чего не дано в жизни – тишиной, покоем, умиротворением, где приходят те, кого ждешь, любишь, кем интересуешься, кто не тревожит; где засыпаешь с улыбкой на губах, где рождается чудо, царит достаток⁵⁵. Исчерпывающее самообретение утопично, как утопична жизнь, представляющая нескончаемый «день радости и счастья» (Бунин).

Другой – ситуация активного самоутверждения, преодоления суда и гнета внутренним ростом, социально значимым творчеством. Возврат процветания подламывает революцию, создает почву для победы реакции – прокламируют в Коммунистическом манифесте Маркс и Энгельс. Рычаг преобразования мира – социальный кризис? С позиций перспектив выживания установка «чем хуже, тем лучше» – дикая. Моральная темнота, помноженная на социальную агрессию, всегда разрушала чувство исторического присутствия, плодила репрессирующие фантомы. В качестве масштабных противодействий последним развертывались мощнейшие общечеловеческие движения: сексуальная революция, авангард, постмодерн, которые правильно понимать как фундаментальные восстания против принуждения. Принуждения созидать культуру по тиражируемым канонам.

От чистого разума – к жизни, от принуждения – к свободе; от массы – к творческому лицу, – именно такова природа фазовых переходов, готовящих становящуюся цивилизацию. Цивилизацию, делающую сутью своих забот не формальные принципы и влекущие вырождение устои, а ту живую добродетель, что является непреходящей основой богоподобного человека.

⁵⁴ См.: Камю А. Указ. соч. С. 335.

⁵⁵ См.: Булгаков М. Мастер и Маргарита. Минск, 1998. С. 655–656.

1.5. Власть – народ – интеллигенция в национальной истории (к 100-летию годовщины «Философского парохода»: уроки прошлого)

«Философский пароход» (ФП) – собирательное понятие, характеризующее драматическое явление национальной истории столетней давности, – именно: тщательно спланированное большевистским правительством карательно-репрессивное мероприятие – насильственную высылку из страны «активных контрреволюционных элементов» из числа «буржуазной интеллигенции». Сообразно 75 статьи Уголовного кодекса «контрреволюционная деятельность», при непосредственном руководящем участии Ленина, Троцкого, Зиновьева, Дзержинского, из России изгнали большую группу деятелей науки, культуры, образования, государственное отступничество которых заключалось в заявлении свободы совести, сиречь – диссидентстве – диссидентской претензии «сметь свое суждение иметь» по текущим вопросам социального устройства, проявлять (расцениваемую как настроенность «против советской власти») автономии миропонимания, персонального самоопределения, способность независимо мыслить, выбирать долю на стезе вовлечения, участия.

Как отмечал Троцкий, – «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода (! – В. И.), а терпеть было невозможно». Захват и подавление, лишение самостоятельности и насаждение бесправия, – переход к узурпации, – признак насильственной корпорации, колониального порядка в двояком смысле: оформлении подчиненной метрополии (центральной власти) периферийной зависимой популяции; оформлении маргинальной поднадзорной общежитной организации. Как ни странно, с момента, казалось бы, дающего значительные социальные послабления раннего НЭПа в стране устанавливалась сатрапия – деспотическая система.

Высылка происходила порциями – в несколько приемов: в третьей декаде сентября 1922 г. – по железной дороге – поездами в Ригу, потом в Берлин; затем – морем – зафрахтованными у немцев пароходами «Обербургомистром Хакеном» – первый рейс из Петрограда в Штеттин (29–30 сентября) и «Пруссией» – второй рейс оттуда же туда же (16–17 ноября). Общее число принужденно выдворенных (с членами семей) варьировалось от 228 до 272.

За уголовно-политическим клеймом «наиболее активный контрреволюционер» с социально-философского угла зрения – вполне явное общественное явление: притеснительная ликвидация идейных оппонентов; демонтаж гражданского плюрализма; уничтожение персональной самодостаточности как правового статуса; упрочение тоталитаризма.

Большевистская волюнтарная акция подытоживает эру властетерпимой фронды: «Я буду твоим цензором»; без следа улетучивается дух независимых исканий; сгущается одурманивающее напряжение «кто не с нами, тот против нас», разрешающееся отменой всякого и всяческого даже максимально лояльного, – но едино суть, – подозрительного, неблагонадежного вольнодумия. Гнетущее единомыслие, единодействие начинает держать на плечах своих Россию.

Безусловный энтузиазм по части собственных инициативных патриотических устремлений разбивается о плотину вероучительного всевластия: власти виднее. Послереволюционный, декларирующий дарование вождельных прав, свобод социалистический строй на поверку реставрирует гримасу «учительского» государства, отработанной «гносной палкой» предшественников – чингисидов в который раз вгоняющего страну в прежнюю террористическую колею – пучину насилия. Безутешное «власти виднее» – унылый камертон национальной жизни, торпедирующий любую несанкционированную сверху тягу к державной оптимизации, модернизации, реформации – от выдворения на ФП представителей размышляющей публики,

интеллектуальной элиты до расправы над сохранившими суверенность мнения правозащитниками: Синявским, Даниэлем, Лашковой, Гинзбургом, Добровольским (1965–1966); Григоренко (1964, 1969, 1977 – лишение гражданства, эмиграция); Буковским (арест 1971, осуждение, 1976 – обмен на Корвалана – с эмиграцией) и т. д.

Как, предаваясь грусти, в 1924 г. констатировал Бунин: «...мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью, и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину»⁵⁶.

Не нашедших себя на Родине, удалившихся на чужбину, по разным оценкам, оказалось 3 миллиона, разбредшихся по 30 странам. Россия лишилась цвета нации, выдающихся соотечественников, переставших быть ее частью. Почему же с какой-то непостижимой периодичностью, недопустимым постоянством практикуется растрата «расы лучших» (Бердяев); почему вопреки здравому смыслу воспроизводится правило «убывания плодородия»? Почему исход, разобщение, разрыв – обрубание корней, неистовство отвержения? Лишь несколько наугад взятых имен мартиролога экспатриации: 1922 – славная плеяда сподвижников «серебряного века»; 1931 – Замятин; 1971 – Шемякин; 1974 – Солженицын; 1976 – Неизвестный; 1978 – Зиновьев ... пресловутое многоочие, за которым – Бродский... Почему стремление нарушить, расстроить, отправить на Голгофу «поругания, растерзания» (И. Ильин)... и – впасть в дикость насаждения «нового средневековья»?..

Добротную фактологическую канву случившемуся в приснопамятном 1922 – под оперативным присмотром комиссии в составе Уншлихта, Курского, Каменева – поставляет С. Хоружий⁵⁷, – мы же, воспользовавшись печальными событиями вековой давности, воспримем их как удобный предлог, выводящий на простор обсуждения капитальнейшего: судьба интеллигенции в российском обществе с позиций уяснения перспектив симфонийности – несимфонийности отношений, возможности – невозможности достижения консенсуса в ставной конфигурации «интеллигенция – власть – народ»: кто на что покушается и как расплачивается.

Социально-философская, макросоциологическая трактовка «интеллигенции» прозрачна, до элементарного проста. Интеллигенция есть страта, общественный слой, определенная группа, необходимым и достаточным основанием обособления которой выступает функционально-ролевая принадлежность. Последняя уточняется признаковой имплементацией

- выведение из системы живого – физического труда;
- высокий образовательно-квалификационный ценз;
- размещение в сфере умственного труда по созданию духовного, практически-духовного богатства.

Интеллигенция – социальный носитель интеллектуально емких компетенций – начинает формироваться в России со времен Петра, на государственном уровне принявшего за форсированную культивацию образованных специалистов, (независимо от происхождения) обладающих возможностью целенаправленно-целесообразно отправлять продуктивную деятельность.

Говоря кратко, интеллигентскую котерию образуют работники разных специальностей, причастных профессии не по родословным, натуралистическим, психо-физиологическим данным, а приобретенной в образовательной подготовке надлежаще удостоверенной квалификации. Здесь – офицерство, чиновничество, госаппарат, рациональная бюрократия, педагоги, медики, представители творческих, свободных профессий, ученые, инженеры, техники, литераторы, бизнесмены, политики, деятели искусства, служители культа и пр.

Учитывая, что обсуждаемый концепт инкорпорирован в языковую циркуляцию во второй половине позапрошлого столетия на российской почве, с легкой руки отечественных бел-

⁵⁶ Бунин И. А. Миссия русской эмиграции // Под серпом и молотом. Лондон, 1975. С. 209.

⁵⁷ См.: Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994.

летристов признаковая база «интеллигенции» пополнялась неспецифической атрибутикой: гражданская ответственность, совесть нации, критически мыслящая способность, оппозиция самовластью, высокая нравственность, творческая сущность, культуросозидание, человеколюбие и др. На каком-то очень неформальном витке размышлений понять такую мыслительную линию можно: не хочется называть – в самом деле – того же дремучего погромщика культуры Хрущева (воспринимавшего «Обнаженную» Фалька как «Обнаженную Вальку») интеллигентом, – но принять невозможно; – формальнологические требования задания определенности когний (с четкой признаковой – не вкусовой – фиксацией содержания, объема, охвата определяемого) являются незыблемыми. В противном случае – безнадежная логомахия.

Отсюда, – с одной стороны, ограничивая признаковый перечень «интеллигенции» минимальным набором намеченных параметров, а с другой стороны, понимая гносеологическую условность такой процедуры и отдавая отчет в крайней многопрофильности обсуждаемого явления, – интеллигентская среда агрегирует либералов и консерваторов, активистов и абсентеистов, этатистов и антиэтатистов, новаторов и ретроградов, умеренных и радикалов, утопистов и реалистов и т. д., – детализируем автономное место интеллигенции в кругу участвующих в общественном взаимодействии полномочных инстанций, какими выступают помимо нее «власть» и «народ».

Подвергнем рефлексии статус самодостаточных вершин треугольной фигуры «власть – народ – интеллигенция».

Эпитет «самодостаточный» в предыдущей фразе, пожалуй, сильный: стержень, контрапункт обозначенного троцентриа – Родина, Отчизна, Отечество, чему посвящают служение и власть, и народ, и интеллигенция. Используя мысль Цветаевой⁵⁸, правомерно утверждать: Россия – единосущно она! – есть безусловность и непреложность, нерушимость и неоспоримость. Абсолютность памяти, крови, побуждения, идеала... – все и вся – Россия. Нет ничего в общественном служении, что может быть с ней несвязанного. Нет России – нет мира, неба, любви, обиды... Есть пустота, немота, хронотопическая провальность, вненаходимость, отверженность самоутраты, голость двуногого, на котором ничего: «ни кожи от зверя, ни шерсти от овцы» (Варшавский).

Русским нельзя порывать с Россией. Как, будучи эмигрантом 30-х XIX в. (задолго до эмигрантов 20-х XX в.), отчаянно писал Печерин: «Мне никак не отделаться от России – я принадлежу ей самой сущностью моего бытия, я принадлежу ей моим человеческим значением»⁵⁹.

Нечто подобное – спустя почти век – у Г. Иванова:

*...И совсем я не здесь (в зарубежье. – В. И.),
не на юге, а в северной царской столице.
Там остался я жить. Настоящий (! – В. И.).
Я – весь (! – В. И.).
Эмигрантская быль мне всего только снится.
И Берлин, и Париж, и постылая Ницца.*

Судьба русских без России – превращаться в «незамеченное поколение», бесславно гибнуть⁶⁰.

Поскольку же рябь может сменяться волнами, возможно перерождение: и власть, и народ, и интеллигенция, утрачивая высокие цели, ценности национально-патриотического служения,

⁵⁸ См.: Цветаева М. Собрание сочинений в 7 тт. Т. 4. М., 1994. С. 618.

⁵⁹ См.: Печерин В. С. Замогильные записки (Apologia pro vita mea) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989.

⁶⁰ Также см.: Ходасевич В. Литература в изгнании // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. В 2 тт. Т. 2. М., 1994. С. 449.

способны «сбивать прицел», терять правильность, крепость державного тонуса: вспомнить впадение в квислингианство (власть), анаэробное, инертное состояние (народ), протестное побоеничество (интеллигенция), взрывающие изнутри государство. Сошлемся на типологические ситуации смуты XVII в.: безвластие, бездумная народная вольница, элитно-боярское компрадорство – смута конца XX – начала XXI в.: деградированная ельцинистская власть, нищий опустошенный народ, элитно-олигархическое компрадорство. С характерным

*...не принять грядущей нови
В ее отвратной нагоме.*

(Бунин)

Безответственная, самоубийственная полужизнь «игры в бисер» без боли о Родине, которая незабвенна, – отвратительна, но допустима. А коли так, – законно модельное размежевание, мыслительное обособление лицедеев социальной интеракции в горнем сущностно сплоченных, в дольном явленчески разобщенных.

Вершина «власть». Легитимная система воздействия – влияния в опоре на убеждение – принуждение⁶¹ реализуется в формах

– технически-институциональной – в соответствии с периодически выдаваемым формально конституирующим общесоциальным мандатом;

– сакрально-сакраментальной – согласно «давлению неумолимой неизбежности» (Франс) – под фирмой породы, рока («призвания»).

Первое – монархизм – до известных пределов (потеря функционально-функционерных – органических, управленческих – потенциалов), когда в невозможности отправлять полномочия – важнейшие дела предводителей монархии выпускают из своих рук, – как отмечал Гегель, – «вершина государства, собственная субъективная воля» правителя приобретает «по отношению к всеобщему и публичному лишь чисто формальный характер»⁶². И – упраздняется. Второе – отвратительная культовая автократия, когда, по выражению Ленина, один – «диктатор» лучше всех (!) знает, как, куда, когда вести. Мнимая героика чудодейственного всезнания оформляется как культ личности – от «отца народов» Сталина (по квалификации на XIV съезде ВКП(б) Ворошилова, «тов. Сталину, очевидно, уже природой (?! – В. И.) или роком (! – В. И.) суждено формулировать вопросы несколько более удачно, чем какому-либо другому члену Политбюро») до заигравшегося в богдыхана Назарбаева, присвоившего себе помпезный титул «лидер нации». И – упраздняется (как мы теперь – *post festum* – прекрасно знаем).

Поскольку в России воплощается вторая форма (с проблесками политических «оттепелей», сменяющихся рьяными «подморозками») властеотвода, обретающая черты одиозности наша управленческая онтогенетика отличается устойчивым креном в сторону кратократии – «власти власти», высший интерес которой сосредоточен на собственном упрочении. Отсюда – гражданский сдвиг по вектору авторитаризма, патернализма, объективирующегося в личинах автократии – персональная диктатура; тоталитаризма – партийная диктатура; этатизма – государственная диктатура. С неизменным командно-приказным, центрально-административным, карательно-репрессивным регламентированием социального взаимодействия, ориентированным на силовое заявление могущества. Как точно передавал существо национальной ситуации во внешнем и внутреннем измерении Александр III, – «У России есть только два союзника – армия и флот». Не народ, не интеллигенция – созидающие, размышляющие слои, но силовая корпорация.

⁶¹ См.: Ильин В. В. *Философия и власть. Часть I: Архитектура власти* // Российский гуманитарный журнал. 2020. Том 9. № 4. С. 211–223; Ильин В. В. *Философия и власть. Часть II: Аппретура власти* // Российский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 5. С. 277–296.

⁶² Гегель Г. В. Ф. *Сочинения* в 14 тт. Т. XII. М.—Л., 1938. С. 188.

Беспардонное, ничем не ограниченное самовластие, неразвитость гражданских институтов, неотработанность механизмов сдержек и противовесов, препятствующих принятию волюнтарных решений, неосмотрительному заходу в экстремальные турбулентные состояния в режиме с обострениями, – бич России, смущающий на простор административного восторга, который, как ни печально сознавать, предрешает вершение отечественной истории – от гибельной эпопеи города Глухова до разлагающей эпопеи города Градова⁶³ – и который потакает изощренным наступлениям

– на народ – в горячечных починах «по новому» – «приближающему» к коммунизму «прямому продуктообмену», государственной форме собственности, наращиванию вала, ДИП («догнать и перегнать») и т. п.;

– на интеллигенцию – в зубодробительных кампаниях по избавлению от «крамолы» творческой среды – сатанинские циркуляры – Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»» (14 августа 1946 г., отмененный в 1988 г. как ошибочный); ЦК КПСС «О работе партийной организации института экономики АН СССР по выполнению «Постановления ЦК КПСС «О Мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»» (декабрь 1971 г.); «О работе в Московском Высшем Техническом Училище им. Н. Э. Баумана и Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского по повышению идейно-теоретического уровня преподавания общественных наук» (5 июня 1974 г.), О кинофильме «Большая жизнь»; противодействию «легкому жанру»; развертыванию борьбы с ППЗ (преклонение перед Западом); заносимой модой; изоляции деятелей культуры (Русланова, Юрьева и др.); раскассированию «авангарда» и т. д.;

– на свободомыслие – в цивилизованно организованной социальности гарантированы права человека, свобода совести; у нас же – не по глумливому изыску К. Пруткина иногда-всегда – проекты «введения единомыслия» – от «чугунного» цензурного устава 1826 г. Николая I, устанавливающего контроль над внутренней безопасностью; воспитанием молодого поколения в духе «верноподданничества»; направлением общественного мнения в соответствии с намерением правительства, до закрытия кружков, обществ, академий, ассоциаций, борьбы с «космополитизмом» и т. п.

Во всем, везде – кратократия с порочным «в бараний рог», «в струну», «в ежовую рукавицу».

Карамзин осуждает Ивана IV за «омрачение России ужасами мучительства», влекущего запустение земель, оскудение мирной (от «мир» – люди) жизни. Подобные же претензии осмысленно адресовать Петру, большевикам, их последователям, либералам, выстраивавшим «регулярное» государство и поневоле выступавшим губителями «ординарной» жизни.

Российское государство – российская жизнь... Логика обихожения одного травмирует логику обихожения другого. И это – исключительно аквизит России.

Утрирование данного обстоятельства наводит на головоломное пушкинское: история России «требует другой мысли, другой формы»⁶⁴.

Оставляя до другого раза продумывание, почему у нас все – не так, как у всех, – как-то иначе, подчеркнем лишь примечательную особенность – любое ослабление власти в Отечестве – незамедлительно – вследствие подрыва его изнутри усилиями народа (масса), интеллигенции (элита) влечет ослабление, крах государственности⁶⁵. Нигде такого нет, у нас – есть, что накла-

⁶³ См.: Ильин В. В. Новый миллениум для России: путь в будущее. М., 2001.

⁶⁴ Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 6. М., 1962. С.324.

⁶⁵ Ильин В. В. Новый миллениум для России: путь в будущее. М., 2001; Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000; Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России / под ред. В. В. Ильина. М., 1996; Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы / под ред. В. В. Ильина. М., 1997.

дывает, не может не накладывать, необходимый отпечаток на способ освоения объективного предмета, в категорической форме настаивая на особой рефлексивной стилистике.

Вершина «народ». С социологической точки зрения – население, жители; с социально-философской точки зрения – трудящиеся непритязательные слои, поддерживающие существование не «отрешенными», а «медленными», «малыми» трудами. С топологической точки зрения народ сосредоточен в специфическом топосе – не несущем негативного оттенка нацеленном на воспроизводство размеренной повседневной жизни – топосе о-бывания. О-бывание, обывательство, не требующее осуждения «мещанство» – своеобразная прочная стихия народа, поглощенного преимущественной заботой самопопечения – достижения благополучия, поддержания само-стояния, наращивания материального достатка, обретения довольства каждодневного проживания.

По своему стержневому кредо народ – не глобалист, не прогрессист; ему претит преследование абстрактных отчужденных планов, впадение в манию грандиоза, тираноборство, модельные упражнения. Народ – не монументалист. Его столп и утверждение истины – сохранение, упорядочение, предотвращение от ущерба через ненарушение уклада, оберегание имеющегося.

С психологической точки зрения народ достаточно консервативен: опасаясь непрактичности служений «призывной новизны», проявляет осмотрительность ко всякого рода не идущим из его глубины починам, встряскам, программам перемен, расцениваемым под углом зрения «посягания на порядок», разгул произвола «начальников», подрыва отлаженного самотека рутинного, т. е. гарантийного существования. Гарантийность – сиречь о-бывание в русле старицы – оплот народного жизнепонимания по предусмотрительной формуле «лучше – не будет, хуже – не надо».

С политической точки зрения народ – весьма инертная масса, проинтегрированные «люди», молчаливое безликое, безымянное человеческое «вещество», которому претят инициативы власти, прозрения интеллигенции.

Агенты трех оцениваемых вершин принадлежат разным разрядам реальности с разным ценностным антуражем, предобуславливающим их вхождение в разные сущностные пространства.

Сущностное пространство народа задано энтелехией «выживания» в малом времени (1); власти – энтелехией «громдья планов» в большом времени (2); интеллигенции – энтелехией «идеала» в великом (вечном) времени (3). В (1) доминирует здравомысленное упреждение; во (2) – конъюнктурное упрочение; в (3) – фарсовое (людическое) упражнение.

(1) Здравомысленное охранение и (2), и (3) воспринимается как косное неразумие, – стесненность сознания узким сектором обзора, включенность деятельности в непритязательный контур прозаического жизнетока. В качестве следствия – аксиологическая рама трактовки (1) в уничижительных терминах тривиального заштатного локализма. Последнее выпячивают и современные пустячные троглодиты типа Чичваркина, допускающие по части народного слоя сардоническое вырождающиеся «нищоброды». Диаметральную противоположную позицию демонстрируют ответственные предводители Отечества типа Столыпина, рассматривающие народ становым хребтом нации, заслуживающим всяческого окормления.

Одно и другое – раритетные крайности. Между ними – устойчивость выказываемыми (2) и (3) тенденции снимать насущные запросы социальной реальности за счет народа.

Константный флер «за счет» подразумевает, – игнорируя волю, интересы трудящихся, достигать намеченного: в случае (2) – «программ», в случае (3) – «грязь». В любом раскладе за самыми изощренными эвфемизмами – голая суть: «притеснение», «ограбление», «лишение» – вплоть до изничтожения – пресловутой депопуляции – от державных реформ Ивана Грозного, трансформировавших «массу» в «народ» укреплением государственности, до псевдодержав-

ных реформ Горбачева – Ельцина, трансформировавших «народ» в «массу» ослаблением и разрушением государственности.

Какая угодно (за редким исключением) инициатива «верхов» – просвещенной власти, «передового» меньшинства, – и – лихолетье «низов». До такой степени, что их в пору шадить самому дьяволу. Как там у Гете:

*...что ни говори, а плох наш белый (и в значении «белая кость» –
В. И.) свет!
Бедняга человек! Он жалок так в страданьи,
Что мучить бедняка и я (сатана. – В. И.) не в состояньи.*

Все протори, убытки – от социального, интеллектуального авангарда – (2) и (3), – подстегивающего вяло текущую жизнь, а потому обвиняемого в ее истреблении.

Действующему от «должного» авангарду нужны большие перемены, перестройки, решительные, крутые ломки; действующему от «сущего» народу нужно обережение. Путь от «ломки» не всегда завершается «стройкой», – что прекрасно представляет народ, сопротивляющийся опустошительным интервенциям в жизнь как власти, так и интеллигенции.

Необходимо, наконец, понять: народным миром (1) правит традиция; авангардными мирами (2) и (3) правит новация. «Традиция – новация» – две стратегии мироотношения, непосредственно не сопряжимы.

Власть, интеллигенция – идеократичны, обуреваемы тягой служить «высоте идеи». Народ – не идеократичен, ему чуждо стремление обслуживать, используя мысль Герцена, алгебраическую высоту идеи. Натурально, хочется взлететь к небесам обетованным, но – по остротке «лучше синица в руке, чем журавль в небе», – всеми фибрами души (по горькому опыту) народ отчаянно противится выступать статистом обмирщения «горячечных», часто пустых, утопических взглядов, единосуточно принимая в расчет: «основание небесной лестницы, по коей хотим мы взойти в горние сферы, должно быть укреплено (! – В. И.) в жизни» (Гофман).

Но этого-то не достигается...

В эпицентре образующейся коллизии активны разновекторные движения: от (1) – реализм; от (2) – тиранизм; от (3) – идеализм. До вступления в фазу социального форсажа с подключением директивных объективирующих инструментов техно-, социоморфизма, коллизия могла бы микшироваться, а то и сниматься включением толерантных процедур легально-легитимной выработки, принятия общесоциальных решений, для чего требовалось бы развертывание ламинарных институционально конституирующих рычагов вовлечения и участия, омассовления гражданского строительства, политико-управленческого процесса. Однако такой естественный ход в виде прогресса парламентаризма, народовластия в Отечестве был заказан. По вине народа, не боровшегося за свои права; по вине власти, всемерно торпедирующей «увенчание здания», консервирующей архаичные самодержавные устои.

Как после царевубийства высказывал внедренный во властный корпус заинтересованный интеллектуал-интеллигент (автор «Манифеста» 29 апреля 1881 г. «Об укреплении самодержавия») Победоносцев, народовластие, парламентаризм – великая ложь, плодящая жизненные болезни (того!?) времени вроде религиозного релятивизма, этического нигилизма, отвлеченного рационализма. Посему: «Очистим внутренность, поднимем дух народный, осветим и выведем в сознание идею (! – В. И.), – тогда грубая форма распадется сама собою и уступит место другой, совершеннейшей»⁶⁶.

⁶⁶ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 323.

Просвещение народного духа, монархизм, этатизм, православие, – вот путь обустройства и перемен, за который в XIX в. ратовали Достоевский, Леонтьев, а в XX в. – высланные из страны страстотерпцы ФП.

(2) Власть программирует, затем технологически (техно-, социоморфизм) трансформирует жизнь. Продумывание такого диспозиционного строя человеческого существования своей предельной точкой имеет сталкивание идеальных – материальных начал антропного сущего.

Акцент целесообразно-целеполагательного момента в миротворении наводит на примат идеального. Выстраивается логичная картина: будирующая идея – омассовление идеи – преобразовательная ее объективация.

Достоинство картины – гуманитарный конструктивизм – утрирование креативного статуса антропной реальности, являющейся продуктом «абсолютного» созидания по дихотомизации: дочеловеческий универсум (неорганика, органика) суть богатство природы – человеческий универсум (надорганика) суть богатство культуры.

Недостаток картины – латентная радикальность, а значит, – безответственность. Одно дело – искусство – художественное проектирование – необязывающе-необязательные эскерциции *in mente*. Как у Сологуба: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я – поэт»⁶⁷. Иное дело – жизнь – ответственная деятельность *in re*.

Примат идеального влечет смешение топологических модусов: *in mente* и *in re*, превращает политику в искусство – насилующее «искусство жить». Подобная стратегия устройства мира – патернализм – отеческое попечительство, покровительство со стороны власти, ее приспешницы, – падкой на высокомерную снисходительность интеллигенции. Но она (стратегия) претит народу, не понимающему и не принимающему патетику абсолютизма (максимализма, экстремизма) «государство – это я» (Людовик XIV); «Я и мой дом» (Фридрих Вильгельм IV); «хочу – казню, хочу – жалую».

Народу, подчеркивалось, нужны гарантии. Интенция на гарантии влечет завязанный не на идеи, а на реалии акцент неимпульсивного легально-легитимного момента миротворения. С диаметрально противоположной картиной: наличное – практическая схема преобразования наличного – массовизация схемы с ее претворением.

Достоинство картины – остракизм антигуманитарности – утрирование консенсуального статуса антропной реальности, являющейся продуктом «относительного» созидания по дихотомизации: актуальный универсум суть безусловное богатство – потенциальный универсум суть условное богатство.

Недостаток картины – латентная паллиативность, а значит, – свехосторожность.

Оценка двух сценографий реальности с встроенным в ее контекст преобразовательным фактором навеивает объемные философские квалификации: «идеализм – материализм» – содержательная типология сущего предельной общности – получает социально-политическую спецификацию, – а именно: идеализм тяготеет к гражданскому активизму по вектору потенциальное наполнение; материализм – по вектору актуальное наполнение. С приуроченными к ним инструментами: радикализм, дирижизм, волюнтаризм, субъективизм, деспотизм – мелиоризм, консенсуальность, толерантность, демократизм.

Различия – в отношении к «потенцированию» – переходу от модуса «идеальность» к модусу «реальность», от «логоса» к «вещественности» через становление. Опосредующая определенность «становления» в одном случае уточняется в модели необходимости преодоления акцидентального «недобытия», в другом случае – в модели необходимости поддержания субстанциального «положительного обладания».

Максимализм – минимализм в конструировании сущего в опоре на роль «идеальной формы – материального содержания». С профессиональных позиций, проблема серьезна, глу-

⁶⁷ Сологуб Ф. Творимая легенда. М., 1991. С. 7.

бока, но снимаема – снимаема перспективой согласования фигур *Lebenswelt* с *Wertswelt*⁶⁸ или в более приземленной редакции – сообщения техно-, социоморфизму причастия природо-, культуроподобию⁶⁹.

Для спорного движения в сюжете, однако, прояснение морфологии явления – не главное; главное – архитектура властной космологии, выстраивающейся на альтернативе: возвеличивание ума-нуса, сконцентрированного в госаппарате, правительственной бюрократии, – возвеличение духа народа, сконцентрированного в «завете», «предании». Сосредоточение на идейном полете и рациональном расчете – сосредоточение на жизненной крепости, повседневной тверди; ставка на политический – в прочтении: «чистый», обслуживающий «Далекое» – разум; – ставка на обыденный – в прочтении: «практический», обслуживающий «Близкое» – разум. Творение «легендарного» – творение «насушного», – в том великое отличие, доктринально фундируемое абстрактной типологией «идеализм – материализм», в гражданском, социально-политическом преломлении имеющей нетривиально-инспирирующее истолкование: народ – косное подножие власти; – власть – корыстная прислужница народа.

Избавим себя от тщеты пространного разъяснения, почему выбор между взаимоисключающими возможностями на национальной почве делается в пользу власти. Однозначно-односложно – потому, что отечественный типаж правления до мозга костей – идеалистичный – отеческий. Не воля народа, вердикт «молчаливого» обывательского большинства – архимедов рычаг выживания; идеально-типическое проектирование, идеократическое программирование – «наше все» в постановке задач, выборе средств, принятии судьбоносных решений.

В некритически позитивистском мыслительном оправдании сказанного – при всей неожиданности заключения – участвовали и высланные на ФП корифеи философии, не расходившиеся с репрессировавшими их агентами новой-старой властной элиты, из полумрака царских гимназий вынесшие онтогенетический код – устав русской жизни: сарынь, на – кичку!

Выше всякого разумения: как в стране, с 1917 г. директивно насаждавшей воинствующий материализм, не нашлось случая привить его полномочным спецам властного корпуса.

Капитальнейшее *conditio sine qua non* российских реалий – первоисточная идеалистичность, рефлексия причин которой, конечно, требуя особой мысли, специфической формулы, тем не менее эксплицирует две эссенциальные черты нашего строя.

Первое: цивилизационное отличие России от Запада, который при всех упреках в прагматизме, консюмеризме, бездуховности – живет, и весьма неплохо, по жизнеукорененной философии материализма.

Второе: затратно-досадные разломы, расколы двойчатки «власть – народ» в особенности в ситуациях форсированных – вынужденных рывков. Любая модернизация, реформация, инновация беспрепятственно налаживается там и тогда, где и когда санкционируется материальной народной волей. У нас же пробивание инициатив не «согласно», а «вопреки» – с неисчислимыми издержками силовых воплощений.

Одиозный финал властного идеалистического вопрекизма, питаемого нескончаемыми авантюрными мечтаниями, запусками фабрики грез, искусной промышленности покрывается обескураживающими исходами

– «час испытаний», взыскующий немедленного разворота всех лицедеев национального процесса к народу как единственному спасителю Отечества;

– народный бунт – бессмысленный и беспощадный, ломающий любое правление, но не настраивающий управления;

– прозрение окончательно зарывающихся визионеров – патерналистов по части вынужденного «сбережения народа» (иначе – не только «некем взять» – следствие порочного непо-

⁶⁸ См.: Ильин В. В. Аксиология. М., 2021.

⁶⁹ Ильин В. В. Теория познания. Критика инструментального разума. *Speciosa miracula*: тотальный мировейник. М., 2020.

тистского регламента оформления управленческой элиты⁷⁰, но и «нечем править» – следствие опустошающей двора депопуляции).

Как видно, печалование о народе возбуждается в «минуты роковые», времена чрезвычайные – приближения катастроф, угрозы утраты идентичности; народ – последняя надежда спасения. Как бы ни было ему плохо, он всегда всех спасает, ибо в нем «общенациональные связи прочнее личных и даже родственных»; самая сталь корчится на полях России, но не вышедший из народа просточеловек⁷¹.

(3) Интеллигентское отрешенное образопроизводство «смущает», – подвергает эрозии сокровенные материально-жизненные опоры. Многосортное самоутверждение интеллигенции описывается довольно точным понятием «вариация», обозначающим малость изменения независимого переменного (функционала). Совершенно ясно – все интеллигентские поиски – поиски поля *purs senglots* по сокровенному – данному вне труда, как пение птиц.

Верно, сие трудно воспринимать, оценивать, понимать в разрезе дискурсивного, но все же можно – в разрезе интуитивного, склоняющего к парадоксальному (коего много в нашем «разумно-неразумном» и даже «безумном» мире): мир несется к... гибели, но остается прекрасным. Воистину: от великого до смешного «от критики до клиники» (Делез) – никакой дистанции, ни малейшего шага.

Тезис Троцкого, будто «... эмиграция не может назвать ни одного имени, ни одной книги», ей «просто-напросто нечего сказать»⁷² – запальчив, предвзят, преувеличен, несправедлив. Имелись имена, книги, слова. Однако по большей части – невнятные.

Растерзан мир, разрушена судьба, низвергнуты святыни; обстановка телесной боли, духовного мучения... Что же – образное самосознание в пророчествах выдворенных его носителей? Ограничимся звучащими декрещендо опусами Г. Иванова.

Опус 1.

*Хорошо, что нет царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.
...
Хорошо, что никого.
Хорошо, что ничего.*

Ну, а что – хорошего?!

Опус 2.

*И нет ни России, ни мира,
И нет ни любви, ни обид —
По синему царству эфира
Свободное сердце летит.*

Не уберечься от шквала набегающих вопросов: почему – эфира? Как – свободное? Куда – летит?

Идеальная вымученная модель «эфирной» реальности со «свободно» летящим «сердцем» – своим «нутром», которое ловит и не может поймать по недоумию выпроставший его выдохшийся интеллигент – первоисточно – *terminus a quo* исключена из *corpus solidum* как

⁷⁰ См.: Ильин В. В. Мир Globo: вариант России. М., 2009.

⁷¹ См.: Леонов Л. М. Собрание сочинений в 5 тт. Т. 5. М., 1954. С. 325.

⁷² Троцкий Л. Д. Литература и революция. М., 1991. С. 34.

народа, так и власти, в общем, чурающихся пустяков издержанного, экзальтированного существования.

Сказанное, собственно, составляет неизбежную внутреннюю трагедию нашей интеллигенции, от одного берега отставшей, к другому берегу не приставшей. Трагедию жизненного эскапизма. О чем – на материале судьбической линии Г. Иванова исчерпывающе – Блок: «Он спрятался сам от себя, а хуже всего... то, что... не сам спрятался, а его куда-то спрятала жизнь, и сам он не знает, куда...»; слушая его стихи, «можно вдруг заплакать – не о стихах, не об авторе... а о нашем бессилии, о том, что есть такие страшные стихи ни о чем, и вместе с тем – как будто нет этих стихов, они не существуют совсем...»

Вершина «интеллигенция». «Твое только то, что ты отдал другим», – высказывает Иоанн Златоуст. «Что» и «кому» отдает, способна отдать интеллигенция? Поскольку Россия до недавнего «нашего» времени – вследствие абсолютно ненормальной ситуации всеобщности высшего образования – переживала период массового наращивания немассовой интеллигентской прослойки, ограничим дискурс отнесением мыслей к более или менее нормальной ситуации, где интеллигенция занимает приличествующую ей элитарную нишу общества. При этом референтную область значений рассуждений ограничим оценкой характера самоутверждения исключительно гуманитарной интеллигенции.

Плоскость «что». Исходя из межеумочной онтологической стати интеллигенции, не обинуясь, констатируем: поглощенная самоопределением, интеллигенция погружает в импозивных самооправдательных поисках. Поиск, искания, искательство – доподлинная аутентичная нива, стихия, стезя интеллигенции, держащейся исповедания: «если все больше людей будет следовать высоко нравственным идеалам, земле будет светлее, лучше, радостней».

Независимо от видоразличий воплощения идеалов инвариантна стать: самопреображение в реверсе – от социальности к нравственности, от социологизма к этизму; идеал овеществляется «подготовленными людьми». На данной ставной платформе группировались абсолютно несхожие (по темпераменту, убеждению, положению) агенты «томленья духа» от Достоевского до веховцев, от народовольцев (Фигнер) до анархистов (Бакунин, Кропоткин), ратовавших за воспитательную работу над собой, самообновление.

Плоскость «кому». Казалось бы, очевидный ответ – потенциальным потребителям высокого, глубокого – народу, власти – никак не проходит по вполне ясной причине: чем тоньше, заостреннее требующий серьезной преобразовательной работы над собой идеал, тем выше поднимают над действительностью крылья мысли, вконец разобщая сущее и должное, идеальное и реальное.

Тщательно выписываемыми отрешенными формулами не способны воспользоваться погруженные в пыль будней, прозу жизни ни власть, ни народ. Прибегая к противопоставлению Батая, «владельница дум» наших бранных парит в «для-себя-бытии», тогда как потребители ее продукции – в «бытии-в-себе»; прямого моста между ними не наводится – «господа» мысли не взаимодействуют с «рабами» жизни.

Ввиду непрактичности, фантазмагоричности «нравственного идеализма» (Новгородцев), пронизывающего все фибры интеллигентской души, интеллигенция обслуживает только себя, точно кони в слякоть, вязнет в бездорожье незамощенного тракта – тракта безопорного умозрения, имеющего техническое именование – людизм – отстраненная игра ума.

Плоскости «что», «кому» дополняются релевантной *плоскостью «как»*, о которой выше высказывалось. Традиционно воплотительная плоскость «как» получает в обсуждаемом случае инверсионную редактуру особого вида – нетехнологического отображения не во вне, а внутрь. Отсюда – антикреативизм, антиактивизм, апология не переустройства (революция, реформа, инновационная инициатива), а – самокопания с торговлей богатым ассортиментом от изощренного флегматизма до изощренного же сангвинизма. Авто «мобилизация-демобилизация» – колея самостроительства интеллигенции.

Стремление к высшему благу через «нравственную тревогу» (М. Аврелий); ревнительство о «высших целях» (Гете); «сутолоку журналистики» (Вольнский); «слезное видение мира» (Бахтин) и народом, и властью расцениваются не иначе как паразитизм, иждивенчество, донкихотство (от леворадикальных – Писарев, анархисты, анархо-синдикалисты, махаевцы до праворадикальных – Бурачек, Асочинский, черносотенцы – кругов), обрекавших на невосребованность поставляемой обществу «последней правды жизни».

Сведенные в систему три плоскости оформляют конфигурацию со знаковым отношением инцидентности – отсутствием попечения о «положительном мире».

Все имеет цену. По диктату умствования, людической безопорности, блуждания в заоблачных далях приходится расплачиваться. Счет выставляет мистерия перегонки идей, символической образности.

Символическая образность – вещественная нигде; лицедействовать в ней – доподлинная трагедия. Трагедия – с горделиво выпрямленной спиной быть в человеческом мире без людей, печься о жизни без жизни, витать в «смятенном сумраке» (Гете) недостижимых высот с восходящим и ниспадающим в нем немоцартианским эмоционально-искренним позитивным духом.

Отечественная жизнь «уничтожается со святынь» (Леонов). Непростительная, недопустимая, непоправимая беда и вина русской интеллигенции – потворствование развалу, уничтожению традиционных жизненных святынь – святынь обыденного – материального – самотека повседневного существования. Последнее калибруется насквозь идеалистичными разлагающими чертами, заслуживающими отдельного поименования.

Созерцательность. Сорт «внечувственного» (как ни странно) непосредственно приобщающего к истине эйдетического познания, тематизацию которого в отечественной философии в довольно сбивчивой семантике проводили

– Степун: «...созерцание мира умными глазами (?! – без комментариев. – В. И.) стоит любой мирозерцательной глубины»⁷³ (не удержимся от ремарки: «созерцание мира» стоит «миросозерцательности»... Глубоко. Выпукло. Тем более, если принимать: содержательно глубочайшее – формально тавтологичное);

– Франк, отстаивавший идею завязанной на эмоциональную веру сердечной мысли (прямая рецепция баадевовского: «Бог есть истина», достойная наслаждения⁷⁴).

Крен в дерационализацию познания (идущая от Чаадаева – Хомякова критика «самовластья» рассудка) навевает вычурную гносеологическую модель чувственно-веровательного (ср.: Радищев: «все, что они скажут, все слабо будет в отношении моего чувства»)⁷⁵ поиска не аналитичной (научной) «истины», но синтетичной (интеллигентской) «правды» (альтернатива «истина» – «правда» концептуально оформлена Бердяевым как дихотомия дискурсивной – недискурсивной (судьбической) достоверности).

Квиетизм. Интеллигенты – интеллектуалы – правдоискатели, не борцы, не воители, не великомученики. Подобно Пигмалиону боготворят созданные мечтой образы, уповая на чудодейственное воплощение их вмешательством «высших сил», как овеществление Галатей Афродитой.

В любых, самых немислимых раскладах, – демонстрация тонких вибраций души, социализируемых просветительством – проповедью идеалов. Так поступал интеллигент XVIII в. Пнин, так поступали его последователи – интеллигенты XX в., усилия которых оптимизировал

⁷³ Степун Ф. Встречи. М., 1998. С. 94.

⁷⁴ См.: Баадер Б. Из дневников // Эстетика немецких романтиков. М., 1987. С. 537.

⁷⁵ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 2019. С. 17.

интеллигент Бобров, предлагавший завиральную модель бытия координального, обеспечивающего гармоническое союзничество существ богоудостоверением⁷⁶.

Что до практического участия? Здесь самый повод корить фортуна. Избранный «диктатором» восстания дворянский революционер Трубецкой не явился 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь; «руководитель» политического переворота 25 октября 1917 г. пролетарский революционер Ленин отсутствовал в восставшей столице. «Защитники» Дома Советов – поборники «свободы» Хасбулатов, Рущкой, задумавшись о «последствиях», бездарно провалили «великое» дело «сопротивления» ненавистным противникам.

Перверсивная фарсовость. По рельефному анекдоту: что будет, если в Сахаре начать строить социализм? первые 50 лет ничего не будет, потом возникнут перебои с песком. «Не от мира сего» конструкции не имеют, не могут иметь (конечно, если не уповать на вмешательство сердобольных Афродит) практических воплощений.

Лидеры «мягкой», не «твердой» силы, оправдатели достоинства Вечного пред ликом брэнного, проводники стоицизма в слове – не деле – интеллигенты-воители – творяне озабочиваются не борьбой, а призывами к ней. «Творянство» (Хлебников) их – выдувание в трубу фарса вроде футуристических экзерциций *de novo* по выпуску стихов без мыслей (Бурлюк, Крученых, Шершеневич, Каменский), во «имя свободы» отрицанию правописания, отмене пунктуации.

Обрастание шелухой, пророческий намек, подпочвенный смысл, надрывная песня, безэнергийная энергия. И – только.

Суетные позы, театральные метаморфозы, лицедейское оборотничество *quid pro quo*, ролевость...

Главнокомандующий Керенский исполняет роль (!) главноуговаривающего. На всех ответственных партийно-государственных постах в качестве неумолчной политико-пропагандистской трещотки стрекочет Троцкий. Словообильный Горбачев забалтывает перестройку. Попов, Собчак в бытность председателей столичных Советов (мэров) предаются интервьюированию. Яковлев переходит на телевидение. *Paroles, paroles* – словоблудливые *roles, roles*. Забвение практической работы – прагматический водевиль, перверсия...

По обострению болезни вождя страной руководит тройка; по кончине его руководство переходит к коллегиальному органу в лице семерки. Во всех комбинациях за исключением неинтеллигента Сталина, функционального (военно-медицинского) интеллигента Куйбышева страной верховодят идеалоблюстители, словоизготовители – Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский – теоретики (без нашей социально-философской, политологической квалификации) оппортунизма, ревизионизма, реформизма. Чистые идеологи. Идеалисты.

Кто строил социализм? Неидеалист Сталин. По лубочным мизантропичным, волюнтарным практицистским рецептам «взять и сделать». Рецептам, тут же дискредитируемым теми же вдохновленными платоновскими героями, врывающимися в «прекрасное грядущее» через нелепый котлован, несуразный дом культуры с отсутствующим сортиром.

Сотворение новой земли, нового неба – опять же: не без омрачающего душка, не без отягчающей фарсовой перверсивности.

Отрешенность. Проведем обострение: что дает, куда ведет основное усилие интеллигентских забот, – правдоискание? К чему пришли наши маститые разыскатели вечных начал человеческого в человеке и мире – Достоевский, Толстой?

Первый – к возврату к «народному корню», «узнанию русской души», «признанию духа народного»⁷⁷, достижению свободы, освобождению от порабощения «хлебом», кенотизму, стремлению к царству Божию, вере в Добро, Красоту, Любовь.

⁷⁶ См.: Бобров Е. А. Бытие индивидуальное и координальное. М., 1900.

⁷⁷ См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 тт. Т. 21. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1980. С. 134.

Что провозглашается? Почитание непреложного, святого – основных назиданий, многочисленных «золотых правил», великих заветов.

Вещь в том, однако, что ни человек, ни человечество не живут по заветам, не исцеляют душу от скверны, не становятся на путь совершенства, не достигают «света» (в лучшем случае – «покоя»), не получают спасения – ни при жизни, ни (скорее всего) после нее. Сколько среди нас святых, праведных?.. Сколько причастных житию по евангельскому закону, Нагорной проповеди?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.